60 1/3
C.31

B150/651 60½3

ТРУДЫ
Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи.

OEUVRES

de la Commisson scientifique des Archives d' Orenbourg. Russie.

Село Табынское и Вознесенская пустынь.

ТАБЫНСКАЯ ИКОНА
БОЖІЕЙ МАТЕРИ

и крестный ходъ изъ села Табынскаго въ г. Оренбургъ и другія мѣста Оренбургской епархіи.

Священникъ Н. Н. Модестовъ.

ВЫПУСКЪ XXXI.

Tome XXXI.

ОРЕНБУРГЪ.
Губернская типографія.
1914.

Копiя съ Чудотворнаго Образа Божiей Матери, что въ селѣ Табынскѣ Стерлитамакскаго Уѣзда Уфимской Губернiи.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ

В150 651 60 4/3

Село Табынское и Вознесенская пустынь.

ТАБЫНСКАЯ ИКОНА
БОЖІЕЙ МАТЕРИ

и крестный ходъ изъ села Табынскаго въ г. Оренбургъ и другія мѣста Оренбургской епархіи.

(Историко-археологическій очеркъ).

Составилъ дѣйств. членъ оренбургской ученой архивной комиссіи священникъ Николай Модестовъ.

Г. ОРЕНБУРГЪ.
Губернская Типографія.
1914.

932/8
2 экз.

Печатано по постановленію Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
667418

Отъ автора.

«Разсмотрите и распросите о путяхъ древнихъ, гдѣ путь добрый, и идите по нему» (Іер. VI, 16).

Предлагаемый нами трудъ не представляетъ собою чего либо новаго и оригинальнаго. Наша задача—гораздо скромнѣе: выяснить тотъ историческій путь, которымъ шло прославленіе и распространеніе чевствованія Табынской иконы Божіей Матери въ Оренбургской епархіи. Сдѣлавшись 7 сентября 1910 года случайнымъ свидѣтелемъ торжественной и радостной встрѣчи оренбуржцами этой святой иконы, мы невольно заинтересовались этимъ, несовсѣмъ обычнымъ для далекой окраины, церковно-бытовымъ явленіемъ и пожелали уяснить себѣ историческія причины, вызвавшія его. Плодомъ нашихъ историческихъ изысканій въ этомъ направленіи и является настоящій трудъ, подѣлиться которымъ съ публикою мы сочли своимъ нравственнымъ долгомъ.

Такъ какъ исторія прославленія Табынской иконы Божіей Матери тѣсно связана съ исторіей погибшей Вознесенской пустыни и села Табынскаго, то это налагаетъ на насъ обязанность остановить наше вниманіе прежде всего на исторіи бывшаго «солевареннаго городка», а теперь села, Табынскаго и сосѣдней съ нимъ Вознесенской пустыни.

Съ этого именно мы и начнемъ нашъ посильный трудъ.

При этомъ, пользуясь случаемъ, не можемъ не засвидѣтельствовать здѣсь нашей глубокой благодарности г. Предсѣдателю оренбургской ученой архивной комиссіи—А. В. Попову, весьма благожелательно встрѣтившему наше намѣреніе заняться изслѣдованіемъ избраннаго нами вопроса и указавшему намъ на фотографическій снимокъ памятника, сооруженнаго верхнеуральцами въ воспоминаніе перваго приноса Табынской иконы Божіей Матери въ г. Верхнеуральскъ. Приносимъ нашу благодарность также и М. М. Гельдту, хранителю музея архивной комисіи, котораго мы довольно частенько безпокоили нашими просьбами о выдачѣ намъ тѣхъ или иныхъ необходимыхъ пособій и который всегда охотно и съ большою готовностью снабжалъ насъ ими.

Священникъ Николай Модестовъ.

I.

Исторія села Табынскаго и Вознесенской пустыни.

Село Табынское или Табынскъ находится недалеко отъ рѣки Бѣлой и въ 56 верстахъ отъ своего уѣзднаго города Стерлитамака, Уфимской губерніи, а отъ г. Оренбурга въ 248 верстахъ. [1]) Исторія первоначальнаго возникновенія этого селенія находится въ тѣсной связи съ исторіей русской колонизаціи въ ново-пріобрѣтенномъ башкирскомъ краѣ.

Вскорѣ послѣ завоеванія Казани Московскимъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ башкиры, тѣснимые киргизами и др. кочевниками, обратились съ челобитьемъ къ русскому царю о своемъ подданствѣ и его покровительствѣ. Челобитье было принято и Башкирія присоединена къ Московскому государству въ началѣ второй половины XVI вѣка. Іоаннъ Грозный въ своемъ духовномъ завѣщаніи, написанномъ около 1572 года, поручаетъ своему сыну Казанское царство уже «съ Башкирдою». [2]) По присоединеніи башкиръ къ Москвѣ они были обложены небольшимъ ясакомъ (податью), который вносили медомъ и куницами.

Сначала башкиры вносили свой ясакъ въ Казани, но потомъ, по причинѣ отдаленности Казани отъ ихъ жилища, они просили Московскаго царя построить внутри ихъ жилищъ особый укрѣпленный городъ, который былъ-бы снабженъ войскомъ для обороны ихъ отъ киргизъ. Такая просьба башкиръ вполнѣ соотвѣтствовала видамъ Московскаго царя, и поэтому въ Башкирію былъ посланъ воевода Иванъ Нагой, положившій въ 1586 году основаніе городу Уфѣ, вслѣдъ за которымъ вскорѣ-же

---

[1]) „Топографія Оренбургской губ.“ П. И. Рычкова, Оренбургъ. 1887 г., стр. 383.
[2]) „Исторія Государства Россійскаго“ Н. М. Карамзина, С. П. Б. 1872 г. т. IX, стр. 174.

стали появляться въ башкирскомъ краѣ и другіе русскіе города. Кромѣ Уфы, Мензелинска и Бирска, къ числу древнѣйшихъ поселеній въ нынѣшней Уфимской губерніи относится и Табынскій городокъ, [1]) носившій еще названіе «солевареннаго городка», который былъ основанъ, по словамъ историка Уфимской епархіи—Ив. Златоверховникова, еще въ царствованіе Іоанна Грознаго. [2]) Этотъ «солеваренный городокъ» получилъ свое названіе отъ завода, который былъ устроенъ на соленыхъ ключахъ и извѣстенъ былъ подъ общимъ названіемъ «соленыя варницы».[3]) Первоначально «солеваренный городокъ» представлялъ собою, какъ показываетъ самое названіе его, ничто—иное какъ маленькое укрѣпленіе, [4]) необходимое для охраны соляныхъ варницъ, устроенныхъ на соленыхъ ключахъ, изъ которыхъ беретъ свое начало рѣчка Усолка, впадающая въ рѣку Бѣлую.[5]) Вываріваемая здѣсь соль отправлялась по р. Бѣлой въ Уфу, Бирскъ и др. мѣста.

Въ древней Руси для успѣшности колонизаціи существовало такое правило: «гдѣ зимовье ясашное, тамъ и крестъ или впослѣдствіи часовня, гдѣ водвореніе крѣпостное, тамъ и пушка, гдѣ городокъ,—тамъ и управленіе воеводское, огнестрѣльный снарядъ и монастырь кромѣ церкви».[6])

Это правило древне-русской колонизаціи оправдалось отчасти и на «солеваренномъ городкѣ». Хотя управленіе воеводское осталось въ занимавшей центральное положеніе Уфѣ, но

---

[1]) В. Н. Витевскій: „И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край". Казань 1897 г. стр. 370—382.

[2]) Ив. Златоверховниковъ: „Уфимская епархія". Уфа 1899 г., стр. 186. Ср. „Исторія Оренбургской губерніи" А. Алекторова. Оренбургъ. 1883 г., стр. 20.

[3]) См. „Сказаніе объ иконѣ Казанскія Божія Матери, находящейся въ Вознесенской церкви Уфимской губерніи, Стерлитамакскаго уѣзда, села Табынскаго", (Уфа 1909 г., стр. 6). Замѣтимъ кстати, что это изданіе помимо нѣкоторыхъ историческихъ неточностей, которыя мы постараемся своевременно отмѣтить, отличается еще множествомъ опечатокъ, иногда совершенно затемняющихъ смыслъ его. Болѣе исправно „Сказаніе" было издано въ 1906 г. въ г. Москвѣ типографіей Ф. И. Филатова. Мы будемъ пользоваться только уфимскимъ изданіемъ, какъ наиболѣе распространеннымъ и извѣстнымъ въ Оренбургѣ, и въ случаѣ цитированія изъ него будемъ называть его для краткости просто „Сказаніемъ".

[4]) См. приложеніе № 1.

[5]) В. Н. Витевскій: „И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край", т. I, стр. 385.

[6]) А. Доброклонскій: „Руков. по исторіи русской церкви". Москва, 1889 г., вып. III, стр. 5.

монастырь былъ всетаки воздвигнутъ около «солевареннаго городка» одновременно съ основаніемъ самого городка. [1]) Монастырь этотъ былъ мужской, управлялся сначала т. н. строителями, а потомъ игуменами [2]), и назывался Вознесенской пустыней. Первое историческое свидѣтельство о «солеваренномъ городкѣ» и существовавшей нѣкогда Вознесенской пустыни мы находимъ въ жалованной грамотѣ царя Ѳеодора Іоанновича (1584—1598 г), въ которой благочестивый царь Ѳеодоръ Іоанновичъ повелѣваетъ старцу Іонѣ переписать монастырское имущество, оставшееся послѣ разгрома и сожженія Вознесенской пустыни башкирами. Къ сожалѣнію, эта грамота сохранилась не въ полномъ своемъ видѣ [3]), и поэтому трудно опредѣлить,—къ какому году должно отнести сожженіе монастыря, но во всякомъ случаѣ этотъ пожаръ былъ не позднѣе конца XVI вѣка, т. е. конца царствованія Ѳеодора Іоанновича, а всего вѣроятнѣе въ первый башкирскій бунтъ, происходившій въ 1584 году. [4]) Такимъ образомъ безмятежное существованіе Вознесенской пустыни продолжалось очень недолго....

Второе историческое свидѣтельство о Вознесенской пустыни имѣется въ жалованной грамотѣ царя Алексѣя Михайловича, данной 20 іюля 1657 года на имя уфимскаго воеводы въ отвѣтъ на челобитье «чернаго попа», т. е. іеромонаха, Захаріи съ братіею Вознесенской пустыни объ утвержденіи за нею земельныхъ угодій, пожалованныхъ монастырю царями Ѳеодоромъ Іоанновичемъ и Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Алексѣй Михайловичъ своею грамотою утвердилъ право монастыря на владѣніе сорока «тридцатыми» десятинами [5]) земли, находящейся «около солевареннаго городка по рѣкѣ и выше рѣчки Коренной, называемой Усолкою, и до бора березовика и до горы березовой» [6]).

---

[1]) Ив. Златоверховниковъ: «Уфимская епархія», стр. 186.

[2]) Это мы увидимъ скоро, когда познакомимся съ царской жалованной грамотой и обстоятельствами обрѣтенія Табынской иконы Божіей Матери.

[3]) См. приложеніе № 2-й.

[4]) Витевскій: „И. И. Неплюевъ“ стр. 130.

[5]) Т е. десятинами, имѣющими въ ширину 30 саж, а въ длину 80 саженъ.

[6]) Полный текстъ грамоты Алексѣя Михайловича см. въ приложеніи № 3-й.

На основаніи этихъ сохранившихся царскихъ грамотъ мы можемъ опредѣленно сказать не только то, что Вознесенская пустынь начала свое существованіе не позднѣе конца XVI столѣтія, но и то,—гдѣ она находилась. Мѣстонахожденіе монастыря опредѣляется «солеваренымъ городкомъ», рѣчкою Усолкою, березовымъ боромъ и березовой горою.

«Сказаніе» говоритъ, что «единственнымъ источникомъ продовольствія Вознесенской пустыни служилъ солеваренный заводъ», [1]) но мы далеко не можемъ согласиться съ этимъ. Если-бы это было такъ на самомъ дѣлѣ, то «черный попъ Захарія съ братіею», просившій у царя Алексѣя Михайловича возстановленія имущественныхъ правъ монастыря, не преминулъ-бы прежде всего упомянуть въ своей челобитной о соляныхъ варницахъ, которыя въ древней Руси обычно составляли главную доходную статью монастырей. Да и самъ царь Алексѣй Михайловичъ тогда непремѣнно сказалъ-бы въ своей жалованной грамотѣ Вознесенской пустынѣ о соляныхъ варницахъ подобно тому, какъ онъ дѣлаетъ это въ своей грамотѣ, данной Звенигородскому Савво-Сторожевскому монастырю, которому онъ пожаловалъ: «Надѣинское Усолье *съ варницы* и *съ варнишными заводами*, и со крестьяны, и съ бобыли и съ рыбными ловлями и со всякими угодьи». [2]) Вознесенская пустынь, очевидно, была не изъ привилегированныхъ и поддерживала свое скромное существованіе только веденіемъ монастырскаго хозяйства, а не соляннымъ промысломъ. Вотъ почему «черный попъ Захарія съ братіею» просилъ царя Алексѣя Михайловича только о томъ, чтобы за монастыремъ было утверждено право «на вѣчное владѣніе» ранѣе пожалованной землею, чтобы имъ «пашни пахати и сѣно косить». Послѣ молитвы земледѣліе и сѣнокосъ составляли, несомнѣнно, главное занятіе привыкшихъ къ труду иноковъ Вознесенской пустыни. Весьма характерно въ этомъ отношеніи, что первое обрѣтеніе Табынской иконы Божіей Матери совершилось въ то время, когда

---

[1]) „Сказаніе", стр. 12.
[2]) Витевскій: „И. И. Неплюевъ, стр. 562. См. приложеніе № 4-й.

монастырскій діаконъ возвращался «*съ обычныхъ* полевыхъ занятій».[1]) Что—же касается упоминанія въ царскихъ грамотахъ о «солеваренномъ городкѣ», то на это упоминаніе мы должны смотрѣть только какъ на топографическое опредѣленіе границъ монастырскихъ земельныхъ владѣній,[2]) которыя, какъ видно, подходили къ самому «солеваренному городку».

Имѣя въ виду, что Вознесенская пустынь не владѣла соляными варницами, можно съ несомнѣнностью сказать, что она была далеко не изъ богатыхъ монастырей, а судя по очень ограниченному для того времени земельному надѣлу, можно полагать, что и по числу братіи Вознесенская пустынь не отличалась многолюдствомъ. Это и вполнѣ естественно для монастыря новаго, да еще расположеннаго въ далекой окраинѣ русскаго государства среди глухихъ лѣсовъ только что недавно присоединенной дикой Башкиріи, жители которой отнеслись враждебно къ русскому монастырю съ самой первой поры его существованія. Живя въ этомъ удаленномъ отъ центра монастырѣ, иноки его должны были находиться въ постоянной тревогѣ и опасности подвергнуться нападенію и разграбленію отъ иновѣрныхъ башкиръ, старавшихся всячески выжить изъ своихъ предѣловъ русскихъ пришельцевъ. Такое нападеніе дикихъ башкиръ дѣйствительно и случилось сравнительно въ скоромъ времени, но когда именно,—за неимѣніемъ какихъ либо твердыхъ историческихъ данныхъ,—сказать трудно: башкирскихъ бунтовъ было такъ много, а свѣдѣній о нихъ сохранилось такъ мало,[3]) что сдѣлать на основаніи ихъ какіе либо твердо установленные выводы весьма рискованно. Одно только, кажется, можно сказать безошибочно, что ко времени башкирскаго бунта 1735—1737 г. Вознесенская пустынь уже несуществовала. Въ противномъ случаѣ о ней было-бы хоть какое нибудь упоминаніе въ историческомъ изслѣдованіи А. Н. Добро-

---

[1]) „Сказаніе", стр. 11; см. приложеніе № 5-й.
[2]) См. приложеніе № 6-й.
[3]) О башкирскихъ бунтахъ, продолжавшихся въ теченіе цѣлыхъ двухъ вѣковъ, можно читать у В. Н. Витевскаго въ его монографіи „И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край до 1758 г.", стр. 130—152.

смыслова: «Башкирскій бунтъ 1735, 1736 и 1737 г. г. [1]) Если-бы Вознесенская пустынь еще существовала въ это время, то трудно представить, чтобы кровавыя событія этихъ годовъ, послужившія предметомъ изслѣдованія г Добросмыслова, не коснулись Вознесенской пустыни, находившейся въ самомъ центрѣ ногайской Башкиріи.

Въ виду всего сказаннаго нами мы наиболѣе склонны согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, по которому окончательное разореніе Вознесенскаго монастыря совершилось во время сеитовскаго бунта, происходившаго въ 1676 г. и названнаго такъ «по имени главнаго вожака и предводителя башкиръ—старшины Сеита» [2]). Это мнѣніе мы должны признать за наиболѣе вѣроятное еще и потому, что за весь XVIII вѣкъ мы нигдѣ не нашли хотя-бы какое нибудь указаніе на существованіе Вознесенской пустыни, на мѣстѣ которой въ настоящее время возвышается только бугоръ, образовавшійся изъ пепла, кирпичей и другихъ веществъ, сгорѣвшихъ при разрушеніи монастырскаго зданія и церкви». Бугоръ (этотъ) вышиной аршина въ три, и имѣетъ въ окружности до 300 саженъ [3]).

Такимъ образомъ, предполагая, что основаніе Вознесенской пустыни произошло незадолго до перваго башкирскаго бунта, бывшаго въ 1584 году, и имѣя въ виду, что въ 1676 году она окончательно уже прекратила свое существованіе, можно положительно сказать, что Вознесенская пустынь про-

---

[1]) „Труды Оренб. Уч. Арх. Коммисіи“, вып. VIII.

[2]) Адресъ-календарь Уфимской губ. на 1907 г.“ Уфа 1907 г., изд. Уфимскаго Губ. Статист. Комитета стр. 37.

[3]) „Сказаніе“, стр. 6. „Мѣстный благочинный, священникъ села Табынскаго, о. Іоаннъ Гуменскій, пробовалъ раскопать бугоръ въ трехъ мѣстахъ глубиною на два аршина и, не достигнувъ материка, нашелъ только пепелъ, золу, уголь, жженый кирпичъ, камень, части желѣза—шпили и т. п.“ („Справочная книжка Уфимской губерніи“ 1883 года, стр. 360). Отчего бы Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи не продолжить дѣла, начатаго священникомъ Гуменскимъ и недоведеннаго до конца? Вѣдь подобныя раскопки могутъ иногда приводить къ самымъ неожиданнымъ результатамъ. Такъ, напр., недавно на мѣстѣ домовой церкви родителей святителя Іоасафа (Горленко) была найдена дощечка съ надписью. („Странникъ“ 1911 года, іюнь, стр. 954). Быть можетъ, если раскопать весь бугоръ, то найдется что-нибудь и цѣнное въ археологическомъ отношеніи. Не мѣшало бы изслѣдовать также и **Вознесенскую** пещеру, которая находится недалеко отъ Табынска и о которой упоминается въ «Географическомъ словарѣ» А. Щекатова (т. I, стр. 945). Названіе этой пещеры прямо указываетъ на то, что она имѣла какое-то отношеніе къ погибшей Вознесенской пустынѣ.

существовала очень недолго: всего только около 100 лѣтъ. Нельзя не пожалѣть о томъ, что Вознесенская пустынь погибла, не успѣвъ выполнить своего миссіонерскаго назначенія, которое, конечно, прежде всего имѣлось въ виду при ея построеніи въ новоприобрѣтенномъ башкирскомъ краѣ. Но мы утѣшаемся тѣмъ, что, несмотря на кратковременность своего существованія, она все-таки успѣла оставить Оренбургскому краю такое богатое и священное наслѣдство, какъ Табынская икона Божіей Матери, которая и доселѣ выполняетъ миссіонерское служеніе, лежавшее прежде на обязанности погибшей Вознесенской пустыни.

«Сказаніе» говоритъ, что одновременно съ монастыремъ были разорены башкирами «солеваренный городокъ» и соляной заводъ,[1]) но это не подтверждается другими историческими свидѣтельствами: ни Витевскій, ни Рычковъ, сохранившіе намъ извѣстіе о разореніи соляныхъ варницъ, ни слова не упоминаютъ о Вознесенской пустыни. В. Н. Витевскій говоритъ только слѣдующее: «еще задолго до прибытія въ Оренбургскій край Кириллова всѣ соляныя варницы въ Табынскѣ были разрушены и сожжены.[2]) П. И. Рычковъ говоритъ объ этомъ нѣсколько болѣе подробно По его словамъ—«всѣ оныя варницы еще прежде прибытія статскаго совѣтника Кириллова въ Уфу (т. е. до начала 1735 г.) отъ противныхъ башкирцевъ разорены и все имѣвшееся тутъ строеніе и не малое число заготовленныхъ дровъ сожжено».[3]) Трудно представить, чтобы Рычковъ, упоминающій даже о сожженныхъ дровахъ и говорящій, несомнѣнно, какъ свидѣтель—современникъ, совершенно упустилъ изъ вниманія Вознесенскую пустынь, если-бы и съ ней въ это именно время совершилось то-же самое, что и съ варницами. Ясно, что судьба Вознесенскаго монастыря была рѣшена еще гораздо ранѣе и, стало-быть, «Сказаніе», опирающееся почти исключительно на преданіе, совершенно оши-

---

[1]) „Сказаніе“, стр. 6.
[2]) В. Витевскій: „И. И. Неплюевъ“, стр. 385.
[3]) Рычковъ: «Топографія Оренбургской губерніи», стр. 384.

бочно соединяетъ въ одно событіе гибель Вознесенской пустыни и солеваренаго завода. Очевидно, что преданіе народное, какъ это часто бываетъ съ нимъ, сходство событій перенесло и на сходство во времени.

Но во всякомъ случаѣ мы должны признать за несомнѣнный фактъ, что какъ монастырь, такъ и «солеваренный городокъ» съ соляными варницами подверглись одинаковой участи, хотя и въ разное время

Однако, несмотря на это, дальнѣйшая судьба ихъ была весьма различна: монастырь, погибшій ранѣе своихъ сосѣдей, погибъ окончательно и больше уже не возобновлялся, соляныя варницы, можетъ быть, и возобновляли свою дѣятельность, но уже только на короткое время и далеко не въ прежнемъ размѣрѣ, а «солеваренный городокъ» тотчасъ же былъ возобновленъ и даже еще болѣе укрѣпленъ.[1]) Въ послѣднемъ мы убѣждаемся изъ письма статскаго совѣтника и оберъ-секретаря Сената Ивана Кирилловича Кириллова къ его помощнику—полковнику Тевкелеву. Какъ извѣстно, Кирилловъ былъ отправленъ изъ столицы съ большими полномочіями и первый положилъ основаніе г. Оренбургу.[2]) Очень можетъ быть, что на широкія полномочія, данныя Кириллову, имѣла свою долю вліянія и печальная судьба Вознесенской пустыни.... Но какъ-бы то ни было, изъ письма Кириллова отъ 16 октября 1735 года къ Тевкелеву [3]) намъ становится достовѣрно извѣстнымъ, что по основаніи Оренбурга «онъ заходилъ въ Табынскъ, который нашелъ *хорошо укрѣпленнымъ* и здѣсь, узнавъ, что башкирцы

---

[1]) Судя по словамъ „Сказанія“ [стр. 8], можно думать, что послѣ башкирскаго погрома уцѣлѣла еще монастырская деревня, существующая на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ село Табынское. Но если это и вѣрно, то во всякомъ случаѣ не эта, по всей вѣроятности, очень убогая деревня положила основаніе нынѣшнему селу Табынскому, которое росло и развивалось внѣ всякой зависимости отъ нея, почему мы и не касаемся совсѣмъ судьбы этой деревни.

[2]) Объ основаніи г. Оренбурга см. въ приложеніи № 7-й.

[3]) Полковникъ Тевкелевъ, къ которому писалъ Кирилловъ, по словамъ А. С. Пушкина, былъ „природный башкирецъ, находившійся при Оренбургской экспедиціи“ [Рус. Старина 1884 г., декабрь, стр. 579]. Но другіе историки, напр. Чернавскій и Алекторовъ, утверждаютъ, что Тевкелевъ происходилъ изъ татаръ. Гдѣ больше правды,—рѣшать не беремся. но во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что онъ былъ инородецъ.

дѣлали на него (т. е на Табынскъ) нападеніе, причемъ десять нарочитыхъ воровъ переловлено, а нѣсколько десятковъ побито, *одобрилъ распоряженія компанейщика соляныхъ варницъ, которыя имѣли здѣсь Осокины,— Утятникова*, и прибавилъ къ гарнизону солдатъ» [1]).

Эти слова Кириллова весьма важны для насъ, такъ какъ изъ нихъ видно, что нападеніе башкиръ на «солеваренный городокъ» Табынскъ было еще событіемъ недалекимъ отъ того времени и что въ миссію Кириллова входила прямая задача посмотрѣть, что дѣлается въ Табынскѣ, оцѣнить по достоинству событія, происшедшія ранѣе, и принять мѣры, необходимыя для того, чтобы предотвратить возможность повторенія ихъ въ будущемъ. Это разъ. Во-вторыхъ, изъ этихъ-же словъ Кириллова видно, что главное управленіе и распоряженіе бывшимъ солевареннымъ городкомъ, а теперь Табынской крѣпостью, находилось въ то время исключительно въ рукахъ нѣкоего Утятникова,—компаніона братьевъ Осокиныхъ, которые имѣли здѣсь, т. е., вѣроятно, держали въ арендѣ, соляныя варницы.

Такимъ образомъ, мы встрѣчаемся здѣсь съ довольно страннымъ на первый взглядъ явленіемъ, что объ укрѣпленіи нѣкоторыхъ крѣпостей въ прежнее время заботилось не правительство, а частныя лица, интересы которыхъ обслуживали эти крѣпости. Это непривычное для насъ явленіе отмѣчаетъ въ своемъ историческомъ трудѣ и В. Н. Витевскій, который говоритъ, что «балахтинскій купецъ Утятниковъ заботился объ устройствѣ и укрѣпленіи Табынской крѣпости» [2]).

---

[1]] „Труды Оренб. Уч. Арх. Ком.“, вып. VIII, стр. 42. Вѣроятно это-же самое событіе имѣетъ въ виду Витевскій, когда говоритъ слѣдующее: „При нападеніи на русскія селенія башкиры жгли церкви, часовни, дома вмѣстѣ съ ихъ обитателями; ругались надъ святыней; уничтожали могильные памятники; воровали на кладбищахъ трупы и кости покойниковъ, сожигали или разбрасывали ихъ по нечистымъ мѣстамъ. Такъ, между прочимъ, поступили башкиры при взятіи Табынской крѣпости въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ и солевареннаго завода купца Утятникова близъ Табынска“. [Витевскій: „И. И. Неплюевъ“ стр. 169]. Слѣдуетъ замѣтить, что и здѣсь Витевскій не упоминаетъ о Вознесенской пустынѣ Ясно, что послѣдняя погибла раньше этого событія.

[2]] В. Витевскій: „И. И. Неплюевъ“, стр. 150.

Нелишне здѣсь замѣтить, что указомъ Императрицы Анны Іоанновны отъ 11 февраля 1735 года «компанейщикъ Утятниковъ за оказанную его вѣрную службу въ укрѣпленіи Табынска» пожалованъ былъ «комисарскимъ чиномъ» [1]). Впослѣдствіи Утятниковъ еще болѣе оправдалъ оказанное ему русскимъ правительствомъ довѣріе: въ январѣ 1737 года имъ былъ пойманъ одинъ изъ главарей башкирскаго бунта—Кильмякъ Абызъ [2]).

Что-же касается Осокиныхъ, которые арендовали соляныя варницы въ Табынскѣ, то Василій Никит. Татищевъ, управлявшій казенными горными заводами и бывшій впослѣдствіи оренбургскимъ губернаторомъ, отзывается о нихъ, какъ «о самыхъ дѣятельныхъ заводчикахъ, болѣе другихъ стремящихся размножить горные заводы». [3]) Когда въ 1735 году была открыта желѣзная руда на горѣ Благодать, «балахонскій купецкой человѣкъ [4]) и мѣднаго и желѣзнаго заводовъ заводчикъ Петръ Игнатьевичъ сынъ Осокинъ» обратился къ Татищеву съ просьбой уступить «ему и наслѣдникамъ его гору Благодать со всѣми желѣзными рудами въ вѣчное владѣніе». Но этотъ неумѣренный аппетитъ весьма предпріимчиваго Петра Осокина встрѣтилъ весьма твердый отпоръ со стороны Татищева, почему-то въ этотъ разъ горячо ставшаго на защиту интересовъ казны [5]). Петру Осокину принадлежалъ мѣдиплавильный заводъ, находившійся въ Кунгурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, [6]) а Иванъ Осокинъ владѣлъ мѣдиплавильнымъ Троицкимъ заводомъ на р. Кидашѣ (притокъ Большого Ика, впадающаго въ Каму) [7]).

Изъ всего сказаннаго видно, что Осокины, владѣвшіе соляными варницами въ Табынскѣ, были люди весьма богатые

1] „Труды Оренб. Уч. Арх. Ком.“, вып. VIII, стр. 68.
2] Тамъ-же, стр. 99.
3] „Рус. Стар.“ 1879 г., сентябрь, стр. 38.
4] Т. е. купецъ г. Балахны, Нижегородской губерніи. Компаніонъ Осокиныхъ—Иванъ Утятниковъ тоже былъ, какъ мы видѣли, балахонскій купецъ.
5] „Рус. Стар.“ 1879 г., сентябрь, стр. 38.
6] Н. Дубровинъ: „Пугачевъ и его сообщники“, т. II стр. 203.
7] В. Витевскій: „И. И. Неплюевъ“, стр. 651.

и предпріимчивые. Въ виду этого нисколько не удивительно, что оберегая свои торговые и промышленные интересы, они взяли на себя заботу объ укрѣпленіи и устройствѣ Табынской крѣпости, [1]) возникшей на развалинахъ «солевареннаго городка», который по возобновленіи его Осокиными, совершенно потерялъ свое прежнее названіе и смѣнилъ его на названіе—«Табынскъ». Это названіе—далеко не новое: съ нимъ мы встрѣчаемся довольно рано. Еще въ 1663 году въ Уфимскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Усолкѣ, *въ Табынскомъ городкѣ*, велѣно было «для воинскаго береженія устроить острогъ *тутошними жилецкими людьми*» и помѣстить въ немъ конныхъ и пѣшихъ стрѣльцовъ. [2]) Происхожденіе названія «Табынскъ» объясняютъ различно.

Нѣкоторые названіе «Табынскъ», производятъ отъ башкирскаго слова «табынъ», означающаго въ переводѣ на русскій языкъ: *«вотъ удобное мѣсто»*. Этимъ названіемъ указывается будто-бы на то, что мѣстоположеніе Табынской крѣпости имѣетъ всѣ удобства для осѣдлой жизни. [3]) Но намъ кажется, что это названіе можетъ указывать и на нѣчто другое. Имѣя въ виду, что башкиры сами просили Московскаго царя выстроить среди ихъ жилищъ особый укрѣпленный городъ, который былъ-бы снабженъ войскомъ, для обороны ихъ отъ киргизовъ, калмыковъ и др. кочевниковъ, [4]) можно думать, что и на «солеваренный городокъ» они посмотрѣли съ этой-же точки зрѣнія и нашли, что подъ охраною этого городка имъ будетъ удобно и вполнѣ безопасно жить.

На языкѣ крещеныхъ татаръ слово «табынъ» значитъ «оказать почтеніе, поклоняться Богу, идоламъ», [5]) Основываясь на такомъ словопроизводствѣ, можно полагать, что названіе Табынска находится въ связи съ обрѣтеніемъ и особеннымъ

---

[1]) См. приложеніе № 8.

[2]) В. Витевскій: „И. И. Неплюевъ“, стр. 384. Вотъ еще когда мы видимъ начало того порядка, какой застаемъ при Осокиныхъ.

[3]) Тамъ-же стр. 385.

[4]) Тамъ-же стр. 371.

[5]) „Первый опытъ словаря народно-татарскаго языка по выговору крещеныхъ татаръ Казанской губерніи“ Н. Остроумова. Казань, 1876 г., стр. 118.

почитаніемъ Табынской иконы Божіей Матери и произошло уже послѣ обрѣтенія ея. При всей кажущейся привлекательности такого объясненія происхожденія названія Табынска, мы все-таки не можемъ принять его потому, что оно противорѣчитъ хронологіи событій: названіе Табынска, какъ мы видѣли, появилось еще въ XVII вѣкѣ, а обрѣтеніе Табынской иконы *башкирами*, какъ мы увидимъ далѣе, произошло уже въ XVIII вѣкѣ.

Болѣе вѣроятнымъ намъ представляется то объясненіе, какое даетъ авторъ «Топографіи Оренбургской губерніи»—Рычковъ, который говоритъ слѣдующее: «званіе Табынска происходитъ, какъ мнится (думается), отъ Табынской башкирской волости, въ которой онъ построенъ». [1]) «Въ числѣ аймаковъ или родовъ Табынской волости встрѣчаются: Кси-Табынскій, Калчиръ-Табынскій, Юрманъ-Табынскій, Дуванъ-Табынскій и Мялля-Табынскій», такъ что названіе Табынска могло произойти и отъ одного изъ этихъ пяти башкирскихъ аймаковъ или родовъ». [2])

Изъ всѣхъ этихъ трехъ объясненій наиболѣе пріемлемымъ намъ кажется мнѣніе Рычкова, такъ какъ оно наиболѣе просто, естественно и вполнѣ согласно съ хронологическими и топографическими данными. Весьма возможно, что дѣло происходило такимъ образомъ. Мѣстность, въ которой былъ построенъ «солеваренный городокъ», носила издавна названіе Табынска, которое съ построеніемъ русскаго укрѣпленія смѣнилось оффиціальнымъ названіемъ «солеваренаго городка», но когда этотъ городокъ сталъ приходить въ упадокъ, постепенно начало входить въ употребленіе и прежнее названіе Табынска, которое впослѣдствіи, съ уничтоженіемъ «солеваренаго городка», уже прочно утвердилось въ названіи села Табынскаго. Иногда, впрочемъ, оба эти названія («солеваренный городокъ» и Табынскъ) соединялись и вмѣстѣ, вслѣдствіе чего получалось

1] Топографія Оренбургской губерніи, стр. 385.

2] В. Витевскій: „И. И. Неплюевъ“, стр. 385. Помимо башкиръ Табынскій родъ существуетъ и у киргизъ, какъ это можно видѣть изъ труда І. А. Кастанье: „Древности киргизской степи“. (Оренбургъ 1910 года, стр. 42).

или «Табынскій солеваренный городокъ» или «солеваренный городскъ Табынскъ». Русскій языкъ не любитъ длинныхъ названій и поэтому въ концѣ концовъ удержалось только краткое названіе Табынскъ.

Переходя теперь къ изложенію дальнѣйшей исторіи Табынска, мы прежде всего должны отмѣтить 10 й пунктъ указа императрицы Анны Іоанновны отъ 11 февраля 1736 года. Этотъ пунктъ имѣетъ прямое отношеніе къ Табынской крѣпости и гласитъ слѣдующее: «Въ Табынску къ назначенной одной ротѣ *другую роту прибавить*,—ту, которую селить надлежитъ въ Гайнѣ, [1]) да тутъ-же учредить служилыхъ мещеряковъ, охотниковъ и казаковъ, и ссылочныхъ до трехсоть человѣкъ и земли и угодья имъ отвести противъ (т. е. въ такомъ-же размѣрѣ) поселенныхъ на Уфѣ, и въ другихъ тамошнихъ мѣстахъ» [2]).

По смыслу этого указа, даннаго на имя Кириллова, Табынскъ въ недалекомъ будущемъ ожидала крупная реформа: изъ городка, населеннаго главнымъ образомъ рабочими и защитниками осокинскихъ соляныхъ варницъ онъ долженъ былъ сдѣлаться вполнѣ правительственной крѣпостью и населиться служилыми мещеряками, казаками и ссылочными до 300 человѣкъ; кромѣ того, тутъ-же должны были поселиться еще двѣ роты солдатъ, надѣленныхъ землею въ томъ-же количествѣ, какимъ владѣли уфимскіе солдаты.

Выполняя свою миссію, возложенную указомъ императрицы, Кирилловъ сдѣлалъ даже болѣе того, что требовалъ самый указъ: онъ рѣшился реформировать Табынскъ съ самаго корня, т. е. съ переустройства и расширенія Табынскаго укрѣпленія. Поэтому, выступивъ 30 іюня того же 1736 года въ походъ къ Оренбургу, Кирилловъ 10 іюля достигъ Табынска и 14 іюля заложилъ здѣсь «земляной городъ о пяти бастіонахъ и церковь». [3]) Очень можетъ быть, что съ этого именно вре-

---

[1]] Т. е. въ Гайнинской башкирской волости, прежде Уфимскаго уѣзда, а теперь Осинскаго уѣзда, Пермской губерніи (В. Витевскій: „И. И. Неплюевъ“, стр. 154.
[2]] Труды Оренб. Уч. Арх. Комиссіи, вып. VIII, стр. 66.
[3]] „Труды Оренб. Уч. Арх. Комиссіи“, вып. VIII, стр. 68.

ОБЛАСТНАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

мени Табынскъ сталъ называться *новымъ городомъ* Табынскомъ,[1]) но для насъ преимущественно важно не это, а то, что въ 1736 году въ Табынскѣ совсѣмъ не было еще приходскаго храма. Очевидно, что ранѣе существовавшій въ Табынскѣ приходскій храмъ («Сказаніе», стр. 6) былъ къ этому времени или разрушенъ башкирами во время раззоренія «солевареннаго городка», или же сожженъ. Это весьма естественно, но страннымъ представляется то, что, несмотря на обиліе лѣса, находившагося около Табынска, табынцы все-таки жили безъ храма. Это мы можемъ объяснить только тѣмъ, что Утятниковъ, въ завѣдываніи котораго находилась Табынская крѣпость, подъ конецъ своей жизни «впалъ въ явный расколъ, въ коемъ и жизнь свою несчастно кончилъ»,[2]) и, стало быть, ему не было особенной нужды заботиться о возстановленіи православнаго храма. Что же касается самихъ табынцевъ, то религіозное чувство ихъ удовлетворялось пока однимъ только пребываніемъ у нихъ уже обрѣтенной къ этому времени древней Казанской иконы Божіей Матери, составлявшей, вѣроятно, нѣкогда одну изъ главныхъ святынь Вознесенской обители и находившейся теперь въ Табынскѣ или въ нарочито построенной для нея часовнѣ или же въ частной квартирѣ какого либо благочестиваго и всѣми уважаемаго табынца.

Поэтому нисколько не удивительно, что новосозданный Кирилловымъ храмъ былъ названъ Вознесенскимъ въ воспоминаніе о Вознесенской пустынѣ, въ которой находилась прежде обрѣтенная св. икона, а въ честь самой иконы построенъ осо-

---

[1]) С. М. Соловьевъ: «Исторія Россіи», изд. второе, т. XX, стр. 1542.

[2]) Рычковъ: „Топографія Оренбургской губерніи", стр. 383. Въ дополненіе къ приведеннымъ нами словамъ П. И. Рычкова мы можемъ сообщить еще слѣдующее: «Въ регентство Бирона на Утятникова неизвѣстно кѣмъ былъ поданъ доносъ **о совращеніи имъ въ расколъ православныхъ людей**, и вотъ богатѣйшія его имѣнія конфискуются въ пользу казны, самъ онъ попадаетъ въ тайную канцелярію, гдѣ и умираетъ отъ пытокъ". („Оренбургскій листокъ" 1877 года, № 7). Владѣльцы Табынска и компаніоны Утятникова по солеваренному заводу, купцы Осокины, тоже были раскольники и родственница ихъ, Манеда Старая, основала даже особую раскольничью обитель. „Когда Осокины стали дворянами, говоритъ П. И. Мельниковъ (Андрей Печерскій) въ своимъ романѣ „Въ лѣсахъ", откинулись они отъ скита раскольничьяго, обитель обѣдняла, и обитель Осокиныхъ прозвалась обителью Расохиныхъ". (Приложеніе къ журналу „Нива" 1909 года, т. II, кн. 4, стр. 297—298).

бый придѣлъ, наименованный казанскимъ, куда и была поставлена тотчасъ обрѣтенная Казанская икона Божіей Матери, извѣстная теперь по мѣсту своего пребыванія подъ именемъ Табынской.

Но недолго просуществовалъ этотъ новосозданный храмъ: онъ былъ построенъ изъ дерева и въ 1793 году сгорѣлъ....

На его мѣстѣ снова былъ построенъ деревянный храмъ, который въ 1828 году, во время крестнаго хода на «Святые ключи» [1]) подвергся той-же печальной участи, и табынцы опять остались на нѣкоторое время безъ храма, пока не собрались, наконецъ, въ 1848 году построить новый храмъ—уже каменный, который существуетъ благополучно и доселѣ [2]) и въ которомъ имѣетъ пребываніе св. Табынская икона Божіей Матери. [3]) Этотъ храмъ былъ устроенъ трехъ-престольнымъ съ особымъ придѣломъ во имя Святителя и Чудотворца Николая. [4])

Что-же касается дальнѣйшей судьбы самого Табынска, то нужно замѣтить, что въ 1744 году табынскіе казаки, ведущіе свое начало съ 1736 года, т. е. со времени основанія Кирилловымъ Табынской крѣпости, были причислены къ Оренбургскому казачьему войску, [5]) и атаманы ихъ имѣли особую войсковую печать, на верху которой была изображена корона, а въ срединѣ два человѣка [6]).

Судя по тому, что въ Табынской крѣпости во второй половинѣ XVIII вѣка по штату положено было 100 человѣкъ ка-

---

[1]) „Сказаніе“, стр. 14. Во время этого пожара антиминсы были вынесены изъ храма и спасены казакомъ Кадошниковымъ.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Впрочемъ, въ интересахъ истины мы должны сказать, что пребываніе св. иконы въ Табынскомъ храмѣ не всегда было безспорнымъ. Лѣтъ около 25-ти тому назадъ это право оспаривали у табынцевъ жители завода Богоявленскаго, основываясь на томъ, что мѣсто явленія св. иконы находится въ дачахъ этого завода. Сторону богоявленцевъ принялъ мѣстный благочинный—протоіерей Базилевскій, который своею властью послѣ крестнаго хода на „Соляной ключъ“ велѣлъ оставить св. икону въ храмѣ Богоявленскаго завода; но на утро о. Базилевскій созвалъ кого нужно и сказалъ: „Неугодно Матери Божіей мое распоряженіе, ибо Она достойно наказала меня за таковое: у меня отнялась рука“. Послѣ такого публичнаго раскаянія о. Базилевскій получилъ исцѣленіе къ утвержденію всѣхъ въ вѣрѣ. Съ тѣхъ поръ св. икона уже дѣйствительно постоянно находится въ храмѣ с. Табынска, когда не бываетъ крестнаго хода. („Сказаніе“, стр. 22).

[4]) И. Златоверховниковъ: „Уфинская епархія“, стр. 194.

[5]) Н. Чернавскій: „Оренбургская епархія“, вып. I, стр. 81.

[6]) „Труды Оренб. Уч. Арх. Ком.“, вып. V, стр. 91—92 и 85.

заковъ тогда, какъ въ другихъ крѣпостяхъ только по 50 (напр., въ Переволоцкой, Ново-Сергіевской, Бузулукской, Красногорской и т. п., [1]) можно полагать, что Табынская крѣпость по своему положенію среди дикой башкиріи занимала и въ то время далеко не послѣднее мѣсто въ числѣ другихъ крѣпостей. Весьма важно замѣтить, что въ кровавую эпоху Пугачевщины табынскіе казаки почти все время оставались вѣрными своему долгу и правительству. Правда, въ началѣ осады Оренбурга было нѣсколько единичныхъ случаевъ измѣны и съ ихъ стороны, [2]) но эти единичные случаи такъ и остались единичными, и впослѣдствіи табынскіе казаки достаточно загладили это преступленіе своихъ товарищей, выдавъ Ив Ив. Михельсону захваченнаго ими главнаго пособника Пугачева, казака Зарубина, извѣстнаго болѣе подъ названіемъ Чики, который послѣ осады Уфы бѣжалъ въ Табынскъ, куда «за нѣсколько дней передъ тѣмъ отправилъ свою денежную казну и пожитки» [3]) Когда-же генералъ-майоръ Фрейманъ занялъ Авзяно-Петровскій заводъ, онъ приказалъ прикащикамъ этого завода *ѣхать въ Табынскъ*, «чтобы ихъ здѣсь (на заводѣ) не убили» [4]). Изъ этого видно, какъ спокойно было въ то тревожное время въ Табынскѣ. Немудрено, поэтому, что мятежные башкиры были иногда не прочь и отомстить табынцамъ за ихъ вѣрность. Однажды (въ іюнѣ 1774 г.) они «выжгли предмѣстье Табынска и отогнали скотъ» [5]).

Когда кончилась Пугачевщина и народныя страсти стали понемногу успокоиваться, табынцы зажили совершенно тихою, безмятежною жизнію, пока въ 1835 году изъ Башкиріи они не были, по высочайшему повелѣнію, выселены въ глубь киргизской степи на новую линію—въ поселокъ Полтавскій [6]). Съ

---

[1]) Н. Дубровинъ: „Пугачевъ и его сообщники“, т. I, стр. 249.
[2]) См. приложеніе № 9 й.
[3]) Н. Дубровинъ: „Пугачевъ и его сообщники“, т. II, стр. 323.
[4]) Тамъ-же, т. III, стр. 16.
[5]) Тамъ-же, стр. 56.
[6]) Н. Чернавскій: „Оренбургская епархія“, вып. II, стр. 666. Ср. „Записки генералъ-маіора Ив. Вас. Чернова, изд. Оренб. Уч. Арх. Ком. 1907 г., стр. 154. Всѣхъ табынскихъ казаковъ было выселено въ поселокъ Полтавскій 200 человѣкъ. (Н. Чернавскій: „Оренб. епархія“, вып. I, стр. 72). Поселокъ Полтавскій находится въ нынѣшнемъ Актюбинскомъ уѣздѣ.

выселеніемъ казаковъ изъ Табынска кончила свое почти вѣковое (99 лѣтъ) существованіе и Табынская крѣпость.

На мѣстѣ Табынской крѣпости осталось только затерявшееся среди дикой Башкиріи сего Табынское, жители котораго (гарнизонные солдаты и служилые казаки, освобожденные отъ переселенія въ поселокъ Полтавскій) были обращены въ началѣ прошлаго столѣтія въ крестьянъ, а самое село Табынское было причислено къ вѣдомству государственныхъ имуществъ [1]).

Въ 1744 году населеніе Табынска состояло изъ 320 душъ мужского пола [2]), а въ 1762 г. въ Табынскѣ было: «полроты пѣхотной да казаковъ 100 человѣкъ, посадскихъ по переписи 37 душъ, жительства всего дворовъ съ 200» [3]). По рееструже 1839 г. при Табынскѣ числилось «740 душъ военнаго вѣдомства» [4]). «Въ 1858 году всѣхъ прихожанъ въ Табынскѣ муж. пола было 1102 д., а въ 1868 году 1207 душъ» [5]).

По статистическимъ даннымъ первой всеобщей переписи 1897 года населеніе села Табынска состояло уже изъ 1.609 душъ мужского пола и 1772 женскаго пола, а обоего пола было 3.381 человѣкъ. Въ томъ числѣ находилось 3.341 человѣкъ постояннаго населенія и 67 человѣкъ временно пребывающихъ [6]), вѣроятно, богомольцевъ.

Въ окрестностяхъ Табынска имѣются самые лучшіе горновые и жерновые камни и такой чистый, мягкій песокъ, который особенно годенъ къ производству стеколъ и хрусталя [7]). Не знаемъ, какъ теперь, но въ прежнее время Табынскъ отличался особеннымъ плодородіемъ своей почвы, вслѣдствіе чего И. И. Неплюевъ одно время предполагалъ перевести туда на жительство «черкасовъ», т. е. малороссовъ [8]).

---

[1]) В. Витевскій: «И. И. Неплюевъ», стр. 408.
[2]) Тамъ-же, стр. 395.
[3]) Рычковъ: „Топографія Оренб. губ.“, стр. 383.
[4]) Н. Чернавскій: „Оренб. епархія“, вып. II, стр. 505.
[5]) „Оренб. Листокъ“ 1877 года, № 7.
[6]) „Первая всеобщ. пер. 1897 г. Уфимск. губ.“, тетр. 1-я, стр. 144—145.
[7]) Рычковъ: „Топографія“, стр. 177—179.
[8]) В. Витевскій: „И. И. Неплюевъ“, стр. 469.

О башкирахъ, окружающихъ село Табынское, Н. В. Ремезовъ, знатокъ башкирскаго быта, говоритъ слѣдующее: «Башкиры этой мѣстности, расположенной на правой сторонѣ р. Бѣлой, среди отроговъ Уральскаго хребта, никогда хлѣбопашествомъ не занимались, хотя и вели осѣдлый образъ жизни. Ихъ промысломъ раньше служило скотоводство и пчеловодство (бортевое), а потому съ исчезновеніемъ стадъ и развитіемъ лѣсной торговли, они занимались исключительно выдѣлкою и сплавомъ лѣсныхъ издѣлій»[1]).

Въ церковномъ отношеніи Табынская крѣпость до 1779 года, когда была открыта Оренбургско-Уфимская епархія, принадлежала, какъ и г. Оренбургъ, къ Казанской епархіи. Когда же въ 1859 году была учреждена самостоятельная Оренбургская епархія, село Табынское не вошло въ ея составъ, а вмѣстѣ съ своимъ уѣзднымъ городомъ Стерлитамакомъ было причислено къ епархіи Уфимской [2]). При Вознесенской церкви села Табынскаго «есть церковное попечительство. Церковной земли имѣется 92 десятины. Причтъ села Табынскаго, состоящій изъ 4-хъ священниковъ, діакона и 4-хъ псаломщиковъ, получаетъ въ годъ дохода отъ иконы и прихода до 9800 руб., проценты съ 7660 р. и жалованья 300 рублей; помѣщается въ церковныхъ и общественныхъ домахъ. Въ селѣ есть два училища отъ земства—мужское и женское».

«Приходъ состоитъ изъ села и 4-хъ деревень съ 3961 д. обоего пола (1912 м. и 2049 ж.») [3]).

---

[1]) Н. Ремезовъ: „Очерки изъ жизни дикой Башкиріи“. Москва. 1889 г., стр. 20. Упоминаемое здѣсь **бортевое** пчеловодство отличается тѣмъ, что пчелиные ульи выдалбливаются прямо въ деревьяхъ, растущихъ на корню, а иногда устраиваются въ дуплахъ старыхъ деревьевъ. (Подробнѣе см. объ этомъ въ „Географіи Оренбургской губерніи“ И. Хохлова. Оренбургъ 1896 г., стр. 77). Этотъ способъ пчеловодства былъ очень распространеннымъ въ древней Руси, на что указываютъ сохранившіяся во многихъ мѣстностяхъ села и деревни съ названіемъ **«Бортниково»**.

[2]) Точнѣе сказать, Табынская крѣпость, Стерлитамакскаго благочинія, находилась съ 1792 года и до 1803 г. въ вѣдомствѣ Оренбургскаго Духовнаго правленія, а въ этомъ году вмѣстѣ со всѣмъ Стерлитамакскимъ благочиніемъ стала подлежать непосредственной зависимости Оренбургско-Уфимской Духовной Консисторіи, подъ вѣдѣніемъ которой она осталась и послѣ учрежденія самостоятельной Оренбургской епархіи въ 1859 году. (Н. Чернавскій: „Оренбургская епархія“, вып. II, стр. 666).

[3]) И. Златоверховниковъ: «Уфимская епархія», стр. 194.

Въ административномъ отношеніи церковь и причтъ села Табынскаго причислены ко 2-му благочинническому округу [1]).

Такова въ краткихъ чертахъ историческая судьба той мѣстности, которую Промыслъ Божій судилъ прославить не какъ бывшій «солеваренный городокъ» и не какъ бывшую крѣпость, а какъ мѣсто селенія чудотворной иконы Божіей Матери.

II.

Описаніе Табынской иконы Божіей Матери и древность ея; первое, второе и третье обрѣтеніе Табынской иконы Божіей Матери и установленіе празднованія въ воспоминаніе ея послѣдняго обрѣтенія.

Получившая свое названіе отъ села Табынскаго, Табынская икона Божіей Матери представляетъ собою, несомнѣнно, одинъ изъ наиболѣе раннихъ списковъ (копій) Казанской иконы Божіей Матери, явившейся въ г. Казани въ 1579 году въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго и прославившейся многими чудотвореніями. Такою именно, т. е. Казанскою, она именуется въ «Спискѣ чудотворныхъ иконъ» [2]), въ «Алфавитномъ указателѣ Пастырско-Миссіонерскаго календаря» [3]), а также и въ «Полномъ иллюстрированномъ описаніи чудотворныхъ иконъ Богоматери», составленномъ Е. Поселяниномъ и изданномъ П. П. Сойкинымъ [4]). Что Табынская икона есть дѣйствительно копія Казанской иконы Божіей Матери,—въ этомъ можно убѣдиться изъ сходства изображенія Божіей Матери и Предвѣчнаго Младенца съ таковымъ-же изображеніемъ на всѣхъ спискахъ Казанской иконы Божіей Матери.

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) С.-Петербургъ. Изд. журнала «Рус. Паломникъ" 1889 г., стр. 9.

[3]) С.-Петербургъ 1904 г., стр. 105.

[4]) С.-Петербургъ 1908 г., стр. 441.

Но при этомъ сходствѣ упомянутыхъ иконъ есть между ними и различіе: Табынская икона отличается отъ Казанской значительно большимъ размѣромъ. «Размѣръ Табынской иконы—въ вышину съ одной стороны 1 1/2 арш., а съ другой—на полувершокъ менѣе, въ ширину 1 аршинъ и 1 1/4 верш., а въ толщину 1 вершокъ» [1]. Подлинная же Казанская икона Божіей Матери, похищенная и уничтоженная злодѣями въ 1904 г., какъ извѣстно, была значительно меньшихъ размѣровъ, о чемъ свидѣтельствуетъ признаваемая за точную копію ея Казанская икона Божіей Матери, находящаяся въ Московскомъ Казанскомъ соборѣ

Судя по характеру письма (т. н. греческаго) и слишкомъ темному общему (желто-коричневому) тону красокъ Табынской иконы Божіей Матери, можно съ несомнѣнностью утверждать, что эта икона очень древняго происхожденія [2]) и, можетъ быть, почти одновременнаго съ ея подлинникомъ. Въ пользу древняго происхожденія Табынской иконы Божіей Матери говоритъ и та выемка на лицевой сторонѣ иконы или углубленіе, о которомъ упоминаетъ само «Сказаніе» [3]). Такія выемки на лицевой сторонѣ, замѣняющія собою какъ-бы раму, обычно встрѣчаются только на древнихъ иконахъ [4]). Судя-же

---

[1] Н. Чернавскій: „Оренбургская епархія", вып. II, стр. 665.

[2] Табынская икона Б. М., по нашему мнѣнію, т. н. письма „греческаго", или византійскаго, а тонъ красокъ ея одинаковъ съ тономъ Иверской иконы Б. М., находящейся въ Москвѣ въ особой часовнѣ у Воскресенскихъ воротъ. Похожа Табынская икона по тону красокъ и на другую Московскую святыню—икону Спасителя, находящуюся въ часовнѣ у Москворѣцкаго моста

И. Златоверховниковъ утверждаетъ, что Табынская икона Б. М. „представляетъ вѣрную (точную) копію съ чудотворнаго образа Казанской Божіей Матери" [„Уфимская епархія", стр. 187], но въ виду слишкомъ значительныхъ размѣровъ этой иконы, мы не можемъ согласиться съ этимъ вполнѣ: сходство этихъ иконъ касается сходства по рисунку и расположенію фигуръ, а вѣрность копіи предполагаетъ необходимое сходство и по размѣру, чего въ данномъ случаѣ не имѣется.

[3] „Сказаніе", стр. 4.

[4] „Чтенія въ Церковно-Историческомъ и Археологическомъ Обществѣ при Кіевской Духовной Академіи": Кіевъ 1902 г., вып. IV, стр. 55. Помимо выемки на лицевой сторонѣ признакомъ древности иконы обычно служитъ еще выпуклая поперечная рейка на обратной сторонѣ иконы, но есть-ли такая рейка на обратной сторонѣ Табынской иконы Божіей Матери,—мы не знаемъ, такъ какъ икона скрыта въ кіотѣ.

Точная копія Табынской иконы Божіей Матери имѣется въ Оренбургскомъ Казанскомъ Каѳедральномъ соборѣ и въ Успенскомъ Мещеряковскомъ монастырѣ близъ г. Оренбурга, о чемъ говоритъ надпись, сдѣланная на иконѣ.

по значительнымъ размѣрамъ этой иконы, можно предполагать, что соорудители Табынской иконы предназначали ее не для домашняго употребленія, а для помѣщенія въ какомъ-либо церковномъ иконостасѣ. Думается, что мы нисколько не умалимъ достоинства св. Табынской иконы Божіей Матери, если, основываясь съ одной стороны на значительныхъ размѣрахъ этой св. иконы, а съ другой—на томъ, что Табынская икона была найдена вблизи Вознесенской пустыни, предположимъ, что Казанская икона, извѣстная теперь подъ именемъ Табынской, была нѣкогда одной изъ такъ называемыхъ «мѣстныхъ» иконъ Вознесенской пустыни [1]). Пребываніе Казанской иконы Божіей Матери въ Вознесенской пустыни весьма вѣроятно и естественно, такъ какъ эта пустынь была построена, какъ можно думать, вскорѣ послѣ обрѣтенія Казанской иконы Б. М. [2]) и находилась въ предѣлахъ Казанской епархіи. Что же касается того вопроса,—какимъ образомъ монастырская икона могла оказаться впослѣдствіи утерянной, то этотъ вопросъ разрѣшится самъ собою, если мы припомнимъ, что Вознесенская пустынь не разъ была сожигаема и раззоряема башкирами. Неужели иноки этого монастыря могли предать чтимую ими святыню на поруганіе башкирамъ? Не естественнѣе-ли предположить, что при каждомъ башкирскомъ набѣгѣ иноки Вознесенской пустыни спѣшили укрыть свою святыню въ какомъ нибудь потаенномъ мѣстѣ? А такъ какъ послѣ сожженія монастыря братія его была «разсѣяна», то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что на нѣкоторое время была утериваема и св. икона. Намъ извѣстенъ такой историческій фактъ. Недалеко отъ Москвы—на старой Смоленской дорогѣ—находится бывшее патріаршее село Троицкое—Голенищево Въ этомъ селѣ имѣется церковь во имя Живоначальной Троицы, построенная въ 1644 году и имѣющая весьма древнія иконы. Въ 1812 году эта церковь была обращена французами въ конюш-

---

[1]) См. приложеніе № 10.

[2]) Казанская икона Божій Матери была обрѣтена въ 1579 году, а Вознесенская пустынь въ 1584 году была уже разграблена башкирами и сожжена.

ни, но древнія иконы сохранились въ цѣлости до сего времени, благодаря тому, что при нашествіи французовъ онѣ были вынесены изъ церкви и спрятаны въ безопасномъ мѣстѣ [1]).

Разсказанный нами случай важенъ для насъ, какъ непреложное свидѣтельство добраго обычая нашихъ предковъ во время нашествія непріятелей укрывать свою святыню. Нѣчто подобное могло случиться и въ Вознесенской пустынѣ. Само «Сказаніе» даетъ намъ право на такое предположеніе, когда говоритъ: «гдѣ была на это время (на время бунта 1707 года) скрыта святая икона Богоматери, подъ—спудомъ-ли разрушеннаго храма монастырскаго, или въ другомъ мѣстѣ, преданіе молчитъ».... [2]). Но если молчитъ объ этомъ преданіе, то ничто не мѣшаетъ намъ самимъ сдѣлать предположеніе, что такъ какъ Вознесенская пустынь была окружена почти непроходимыми лѣсами (березовымъ *боромъ*), то и св. икону во время внезапнаго нападенія башкиръ легче всего было возможно укрыть именно въ лѣсу.

Мы останавливаемся на этомъ предположеніи потому, что при немъ намъ становятся вполнѣ понятными какъ обстоятельства періодическаго сокрытія св. иконы, такъ и обстоятельства неоднократнаго обрѣтенія ея.

Повидимому, наше предположеніе стоитъ въ противорѣчіи съ сохранившимся преданіемъ, которое во всѣхъ случаяхъ говоритъ, что св. икона «скрылась». На это мы можемъ сказать слѣдующее: преданіе идетъ отъ дней древнихъ, а въ древности (особенно ко времени стоглаваго собора 1551 г.) относительно иконъ существовала очень своеобразная терминологія. «Благоговѣніе къ иконамъ доходило до того, что русскіе не осмѣливались говорить: икона куплена, сгорѣла и т. п., а выражались такъ: «вымѣнена на деньги, выбыла или возне-

---

[1]) «Путеводитель по Москвѣ и ея окрестностямъ», изд. кн. В. Г. Долгорукаго и В. И. Анофріева. Москва. 1872 г., стр. 95.

[2]) «Сказаніе», стр. 12.

слась на небо» [1]). Весьма возможно, что и въ данномъ случаѣ выраженіе «скрылась» употреблено преданіемъ вмѣсто «была скрыта».

Объ обстоятельствахъ обрѣтенія Табынской иконы Божіей Матери никакихъ историческихъ свидѣтельствъ не сохранилось и поэтому при изложеніи ихъ мы по необходимости должны ограничиться преимущественно преданіемъ, записаннымъ въ «Сказаніи» [2]), добавляя его въ нѣкоторыхъ случаяхъ новѣйшими историческими изслѣдованіями.

«Первое обрѣтеніе, по словамъ «Сказанія», относится ко 2-й половинѣ XVI вѣка или къ 1-й—XVII вѣка» [3]).

При всемъ кажущемся правдоподобіи этого хронологическаго указанія мы все таки должны принять его съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, такъ какъ оно стоитъ въ противорѣчіи съ фактами, сохранившимися въ самомъ преданіи. Такъ, напримѣръ, преданіе сохранило намъ извѣстіе, что св. икона послѣ своего обрѣтенія «была принесена въ г. Уфу и поставлена въ Смоленскомъ соборѣ» [4]). Имѣя въ виду, что Смоленскій соборъ въ г. Уфѣ построенъ былъ только лишь въ 1616 году [5]), мы необходимо должны признать, что первое обрѣтеніе св. иконы нельзя отнести ко 2-й половинѣ XVI вѣка, когда еще не былъ построенъ Смоленскій соборъ. Всего вѣрнѣе это событіе произошло въ промежутокъ времени отъ построенія Смоленскаго собора (въ 1616 г.) до сеитовскаго бунта, бывшаго въ 1676 г. [6]), т. е. именно въ первой половинѣ XVII вѣка, а не въ царствованіе Іоанна Грознаго, какъ утверждаетъ «Адресъ-Ка-

---

[1]) «Руководство по исторіи Рус. Церкви» А. Доброклонскаго. Москва. 1889 г., вып. III, стр. 229. Интересно отмѣтить здѣсь, что одинъ изъ персонажей покойнаго писателя Глѣба Ив. Успенскаго († 26 октября 1889 года), разсказывая про перенесеніе чудотворной Тихвинской иконы Б. М., выражается такъ: «**Пронеслась**, какъ солнце прокатилось, Божія Матерь, чудотворная Тифинская (sic) икона!... А ужъ какъ хорошо было, какъ Владычица-то **прошлась** по нашимъ мѣстамъ!»... (Приложеніе къ журналу «Нива» 1908 года, т. I, кн. 5, стр. 633 и 640).

[2]) «Сказаніе», стр. 11—14.

[3]) «Сказаніе», стр. 11.

[4]) Н. Чернавскій: «Оренбургская епархія», вып. II, стр. 666.

[5]) Тамъ-же, вып. I, стр. 193.

[6]) «Адресъ-Календарь Уфимской губ. и справочная книжка на 1907 г.» Уфа 1907 г., стр. 37.

лендарь Уфимской губерніи» [7]), основываясь на какомъ-то, очевидно, неизвѣстномъ автору «Сказанія», преданіи.

Самое обрѣтеніе св. иконы совершилось въ первый разъ такимъ образомъ. Діаконъ Вознесенской пустыни, имя котораго не сохранилось, возвращаясь однажды съ поля, услыхалъ слѣдующія слова: «Да потщится правовѣрующая братія богоспасаемаго монастыря принять Меня въ храмъ Господа Моего». Діаконъ, опасаясь самообольщенія, первоначально не внялъ этому приказанію, но вскорѣ послѣ того, *возвращаясь съ полевыхъ работъ*, онъ снова услыхалъ тотъ-же голосъ. Тогда, недоумѣвая о томъ, — откуда слышится этотъ властный голосъ, онъ остановился и съ любопытствомъ началъ осматривать окружающее его мѣсто. Въ это время онъ увидѣлъ св. икону Богоматери на большомъ камнѣ у подошвы горы, подъ дубомъ въ 200 саженяхъ отъ Соляного ключа [2]), который съ тѣхъ поръ сталъ носить названіе «Святого ключа» [3]). Увидя стоявшую на камнѣ св. икону, діаконъ съ трепетомъ и въ тоже время съ радостью поспѣшилъ въ монастырь и возвѣстилъ братіи о дивномъ обрѣтеніи св. иконы. Св. икона тотчасъ-же была перенесена братіею въ монастырь, и здѣсь вскорѣ-же, очевидно, настолько прославилась чудотвореніями, что объ обрѣтеніи ея было послано, согласно принятымъ правиламъ, увѣдомленіе Уфимскому воеводѣ и Казанскому епископу, въ вѣдѣніи котораго находилась тогда Уфимская епархія и Вознесенскій монастырь. Послѣ того св икона была взята на время въ Уфу и была поставлена для поклоненія въ Смоленскомъ соборѣ [4]). Изъ Уфы ее перенесли для освидѣтельствованія въ

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) И. Златоверховниковъ «Уфимская губернія», стр. 187.

[3]) Н. Чернавскій: «Оренбургская епархія», вып. II, стр. 666. «Соленый ключъ» гдѣ была найдена св. икона, «находится въ 12 верстахъ отъ Табынска въ дачахъ Богоявленскаго завода, принадлежащаго генералъ-маіору Пашкову». («Сказаніе», стр. 4), «извѣстному апостолу петербургскаго большого свѣта» (Н. Ремезовъ: «Очерки изъ жизни дикой Башкиріи», Москва 18-9 г. стр. 12) и основателю Пашковской секты. По «Сказанію» вода соленыхъ ключей, названныхъ впослѣдствіи «Святымъ ключемъ» замѣчательна тѣмъ, что никогда не подвергается въ зимнее время замерзанію при самой низкой температурѣ холода» (Сказаніе», стр. 4).

[4]) Н. Чернавскій: «Оренбургская епархія», вып. II, стр. 666.

Казань [1]). По освидѣтельствованіи св. иконы въ Казани она была признана за чудотворную и поэтому возвращена въ Вознесенскій монастырь [2]).

Но потомъ св. икона вновь скрылась и вновь была обрѣтена на томъ-же самомъ камнѣ братіею Вознесенской пустыни и снова поставлена въ этомъ монастырѣ [3]).

Преданіе соединяетъ это второе обрѣтеніе св. иконы въ одно событіе съ первымъ обрѣтеніемъ, но всего вѣроятнѣе, что второе обрѣтеніе совершилось немного позднѣе перваго— послѣ какого нибудь новаго башкирскаго набѣга— и представляетъ собою совершенно самостоятельное событіе, стоящее внѣ всякой связи съ первымъ, и только позднѣйшее преданіе, утратившее нѣкоторыя детали второго, соединило эти разновременныя событія въ одно. Преданіе сохранило только одну характерную подробность, что и въ этотъ разъ св. икона была обрѣтена братіею Вознесенской пустыни. Изъ этого слѣдуетъ, что второе обрѣтеніе произошло не позднѣе 1676 года, т. е. не позднѣе окончательной гибели Вознесенской пустыни.

Когда-же совершилось это печальное событіе, когда Вознесенская пустынь подверглась окончательному разграбленію и уничтоженію отъ башкиръ, св. икона вновь скрывается и вновь обрѣтается на «томъ-же самомъ камнѣ», но уже не братіею, которая послѣ погрома Вознесенской пустыни «разсѣялась», а невѣрными башкирами, начавшими изъ ненависти къ христіанству рубить и колоть св. икону [4]), за что и были

---

[4]) Е. Носелянинъ: «Богоматерь», СПБ., стр. 441.

[1]) Тамъ-же.

[2]) См. приложеніе № 11.

[3]) На св. иконѣ доселѣ имѣется на верхнемъ краѣ довольно значительный разрубъ, а ниже половины иконы, въ срединѣ, вставка, это-тѣ раны, которыя были нанесены ей фанатичными башкирами. «Сказаніе» (стр. 4), вопреки самому себѣ (стр. 13), приписываетъ поруганіе надъ св. иконою татарамъ, но это, какъ мы увидимъ вскорѣ, невѣрно. Поруганіемъ башкиръ надъ св иконою объясняется, по всей вѣроятности, и неправильность ея формы: съ одной стороны икона имѣетъ 1½ арш. вышины, а съ другой—на полувершокъ менѣе.

поражены слѣпотою. Ослѣпленные они долго блуждали по лѣсу, пока одинъ изъ нихъ не раскаялся и не получилъ исцѣленія. Прозрѣвъ, онъ вмѣстѣ со своими товарищами предсталъ предъ св. иконою и молился объ ихъ помилованіи и исцѣленіи. Матерь Божія услышала ихъ молитву и всѣмъ имъ даровала прозрѣніе. Но при всемъ томъ всѣ они остались магометанами, кромѣ перваго прозрѣвшаго, который одинъ исповѣдалъ истиннаго Бога и принялъ св крещеніе. Онъ жилъ, говоритъ преданіе, 130 лѣтъ, и по крещеніи всѣмъ и каждому съ трепетомъ говорилъ: «наконецъ-то я узналъ, какъ великъ русскій Богъ!». Когда жители Табынска узнали отъ него о мѣстонахожденіи св. иконы, то взяли ее, перенесли съ подобающею честью въ село Табынское и поставили впослѣдствіи въ новосозданную приходскую Вознесенскую церковь.

«Сказаніе» утверждаетъ, что (третье) обрѣтеніе св. иконы совершилось въ первой половинѣ XVIII вѣка [1]). Съ этимъ вполнѣ можно согласиться, такъ какъ храмъ въ Табынскѣ, въ придѣлѣ котораго была поставлена обрѣтенная св. икона, былъ построенъ Кирилловымъ только лишь въ 1736 году, а по всѣмъ признакамъ св. икона была найдена сравнительно незадолго до этого событія.

Со времени третьяго обрѣтенія св. иконы и помѣщенія ея въ Табынскомъ храмѣ она стала именоваться по мѣсту своего пребыванія уже не Казанскою, а или Казанско-Табынскою или-же просто Табынскою, и послѣднее названіе утвердилось за ней довольно прочно. Преданіе говоритъ, что третье обрѣтеніе св иконы совершилось въ IX-ю пятницу по Пасхѣ [2]).

Въ память послѣдняго обрѣтенія св. иконы и съ того же самаго времени жители села Табынскаго установили еже-

---

[1]) «Сказаніе», стр. 12.

[2]) «Сказаніе», стр. 14.

годное *празднованіе обрѣтенія св. иконы* въ IX-ю пятницу по Пасхѣ [1]), а въ слѣдующее за этою пятницею воскресенье стали совершать торжественный крестный ходъ со св. иконою на «Соляные ключи», какъ мѣсто явленія св. иконы.

Впрочемъ, нужно сказать, что съ IX-ю пятницею у табынцевъ соединяется еще и другое воспоминаніе, связанное, однако, съ тою-же св. иконою,—воспоминаніе объ избавленіи Табынска отъ одного изъ башкирскихъ набѣговъ, когда служившіе тамъ раньше казаки, послѣ совершенія молебеннаго пѣнія предъ св. иконою мужественно выступили противъ мятежниковъ и на-голову разбили ихъ на мѣстѣ явленія святой иконы [2]) Ко дню IX-й пятницы и къ крестному ходу на «Святой ключъ» иногда собирается въ Табынскѣ до 20.000 богомольцевъ изъ губерній: Уфимской, Оренбургской, Самарской и Тобольской, областей—Тургайской и Уральской [3]). Особенныя обстоятельства способствовали тому, что этотъ—сначала небольшой—крестный ходъ постепенно превратился въ весьма продолжительный, и продолжительный настолько, что другого, подобнаго этому по своей продолжительности, крестнаго хода въ современной Россіи мы не знаемъ. Историческій процессъ развитія крестнаго хода на «Святой ключъ» въ необычайно продолжительный будетъ предметомъ нашей дальнѣйшей рѣчи.

---

[1]) «Сказаніе» отмѣчаетъ слѣдующій фактъ, наблюдаемый табынцами изъ года въ годъ и справедливо относимый ими къ благодатнымъ явленіямъ милости Царицы Небесной. Замѣчено именно, что если до IX-й недѣли, т. е. до дня празднованія обрѣтенія Табынской иконы Б. М., бываетъ продолжительная засуха, то на IX недѣлѣ бываетъ дождь и наоборотъ, если до IX-й недѣли льетъ дождь и бываетъ холодъ, то съ наступленіемъ IX недѣли непремѣнно становится ведро. («Сказаніе», стр. 16).

День IX-й пятницы по Пасхѣ, какъ день обрѣтенія Табынской иконы Б. М. празднуется не только въ Табынскѣ, но и въ Оренбургѣ, а въ Мещеряковскомъ монастырѣ, находящемся въ 12 верстахъ отъ Оренбурга, въ этотъ день богослуженіе совершается даже преосвященнымъ викаріемъ, настоятелемъ этого монастыря.

[2]) Н. Чернавскій: „Оренбургская епархія“, вып. II, стр. 666—667.

[3]) И. Златоверховниковъ: «Уфимская епархія», стр. 187. О громадномъ числѣ богомольцевъ въ Табынскѣ въ IX пятницу говоритъ уже то, напр., обстоятельство, что въ 1911 году за богослуженіями одного только этого дня въ табынской церкви было собрано въ пользу Уфимскаго Епархіальнаго Комитета Правосл. Миссіонернаго Общества 750 рублей. (Уфимскія Епарх. Вѣд. 1911 г., № 17, стр. 650).

III.

Холера въ г. Оренбургѣ въ 1848—1853 годахъ и установленіе ежегоднаго крестнаго хода изъ села Табынскаго въ г. Оренбургъ и въ другія мѣстности Оренбургской епархіи.

1848 годъ особенно памятенъ не только Оренбургскому краю, но и всей Россіи по особенно сильному распространенію и страшно губительному дѣйствію азіатской гостьи—холеры, проникшей даже въ г Архангельскъ [1]). Въ этомъ году жители г. Стерлитамака, нынѣшней Уфимской губерніи, желая смягчить гнѣвъ Божій, справедливо карающій человѣка за его беззаконія, возымѣли благочестивое желаніе принести въ свой городъ изъ села Табынскаго чудотворный образъ Богоматери, что имъ и было разрѣшено (словесно) преосвященнымъ Іоанникіемъ, епископомъ Оренбургскимъ (1853 - 1858 г.) [2]). Съ принесеніемъ св. иконы губительная холера видимо ослабила свою силу въ г. Стерлитамакѣ и, пока пребывала тамъ Матерь Божія, зараза совершенно прекратилась. Съ тѣхъ поръ Стерлитамакскіе граждане, въ память сего избавленія, положили обѣтъ каждогодно брать къ себѣ прямо со «Святого ключа», въ IX-ю пятницу, икону Богоматери, что они продолжали дѣлать до 1856 года *съ одного лишь устнаго разрѣшенія своихъ архипастырей* [3])

Еще болѣе, чѣмъ въ Стерлитамакѣ, свирѣпствовала холера въ 1848 г. и въ самомъ Оренбургѣ, гдѣ она за одно лѣто

---

[1]) «Русская старина» 1884 г., декабрь, стр. 612.

[2]) До 1859 г. Уфимская губернія принадлежала къ Оренбургской епархіи. [Н. Чернавскій «Оренб. епархія, вып. I, стр. 7]. Вотъ почему жители Уфимской губерніи обращаются за разрѣшеніемъ крестнаго хода къ Оренбургскому епископу. Это—же обстоятельство, несомнѣнно, много способствовало и тому, что оренбуржцы легко получили дозволеніе приносить къ себѣ Табынскую икону Б М.

[3]) «Сказаніе», стр. 15. Благочестивый обычай брать св. икону изъ села Табынскаго въ другія селенія Оренбургской губерніи существовалъ еще ранѣе этого времени, какъ это можно видѣть изъ словъ извѣстнаго писателя Влад. Иван. Даля, служившаго въ Оренбургѣ при губернаторѣ В. А. Перовскомъ чиновникомъ особыхъ порученій (съ 1833 года по 1841 годъ]. «Эта явленная икона Богоматери, говоритъ онъ, на девятую пятницу послѣ Пасхи, обходитъ полгуберніи, и къ этому кочевому шествію стекается бездна народу и каждое населенное мѣсто всѣмъ населеніемъ провожаетъ ее отъ себя до ночлега». («Полное собраніе сочиненій В. И. Даля», изд. Вольфа 1897 года, т. VIII, стр. 289).

унесла въ могилу «около половины населенія Оренбурга, считая и войска», какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ генералъ Н. Г. Залѣсовъ [1]). «Съ тѣхъ поръ эта недобрая гостья стала посѣщать г. Оренбургъ каждогодно» [2]) и, когда холера повторилась въ 1853 году, «городскіе жители, по словамъ оренбургскаго старожила Ив. Вас. Чернова, видя въ частомъ посѣщеніи города холерою гнѣвъ Божій [3]), ходатайствовали о *временномъ* приносѣ сюда изъ села Табынскаго, Стерлитамакскаго уѣзда, чудотворной иконы Божіей Матери, что *и послѣдовало въ слѣдующемъ 1854 году*» [4]).

Это было первое принесеніе Табынской иконы Божіей Матери въ Оренбургъ [5]), но въ виду такого чрезвычайнаго обстоятельства, какъ холера, оно было совершено, повидимому, какъ и въ Стерлитамакѣ, *съ одного лишь устнаго разрѣшенія мѣстнаго архипастыря*, которое на будущее время уже не имѣло силы. Такъ мы думаемъ потому, что въ 1855 году оренбургскій потомственный почетный гражданинъ Степанъ Михайловичъ Дѣ-

---

[1]) См. приложеніе № 12-й.

[2]) «Сказаніе», стр. 15.

[3]) По оффиціальнымъ даннымъ въ холерную эпидемію 1848—1853 г.г. въ Оренбургской губерніи умерло 29.807 человѣкъ («Оренбургская газета» 1911 года, № 143) Но, имѣя въ виду несовершенство статистики даже въ наше время, можно не безъ основанія думать, что дѣйствительная цифра умершихъ отъ холеры за указанный періодъ была значительно выше только-что указанной нами, хотя и эта цифра все-таки довольно внушительна и немудрено, что оренбуржцы того времени были сильно напуганы холерой....

[4]) Архивъ О. У. А. К., рукописи С. Н. Севастьянова, связка 3-я, тетрадь 1-я. Замѣтимъ попутно. что оренбургская ученая архивная комиссія совершенно напрасно измѣнила 1854 годъ подлинной рукописи генералъ-майора Ив. Вас. Чернова въ 1853 годъ («Труды» О. У. А. К., вып. XVIII, стр. 154) и въ 1857 годъ (тамъ же, вып. XXIII, стр. 232). Такое небрежное отношеніе къ подлиннымъ рукописямъ и хронологическимъ датамъ едвали допустимо въ изданіяхъ, которыя сами могутъ послужить основаніемъ для научныхъ работъ и изслѣдованій....

[5]) Ив. Вас. Черновъ приводитъ въ своихъ запискахъ слѣдующій чудесный случай, оглашенный послѣ перваго принесенія Табынской иконы Божіей Матери въ Оренбургъ: «одна казачка, слѣпая на одинъ глазъ и плохо видѣвшая другимъ, изъ особаго усердія вышла съ народомъ встрѣтить Владычицу и при вносѣ въ бывшія Сакмарскія ворота увидѣла св. икону, а потомъ зрѣніе обоихъ глазъ совершенно возстановилось, такъ что она видѣла дома, людей и свободно дошла домой». («Труды» О. У. А. К., вып. XVIII, стр. 154). Этотъ же чудесный случай, но съ большими подробностями, описанъ и въ «Сказаніи» (стр. 26). Упоминаемыя здѣсь Сакмарскія ворота, чрезъ которыя была внесена Табынская икона Б. М, были одними изъ четырехъ городскихъ воротъ. Въ Оренбургѣ того времени помимо Сакмарскихъ воротъ были еще слѣдующія: Орскія, Чернорѣченскія и Водяныя («Труды» О. У. А. К., вып. XVIII, стр. 59). Сакмарскія ворота находились за нынѣшней Николаевской улицей—тамъ, гдѣ нынѣ высится Казанскій Каѳедральный соборъ. (П. Н. Столпянскій: «Изъ прошлаго Оренбургскаго края», изд 1906 года, стр. 23).

евъ, бывшій въ то время городскимъ головою, и повѣренный отъ жителей г. Стерлитамака Василій Владимірцевъ вошли съ ходатайствомъ къ преосвященному Антонію «о дозволеніи вносить икону Казанской Божіей Матери, находящуюся въ церкви села Табынска, Стерлитамацкаго (*sic*) уѣзда, въ города Оренбургъ и Стерлитамакъ, – въ первый въ сентябрѣ мѣсяцѣ, а въ послѣдній—въ IX-ю пятницу». При этомъ оренбургскій купецъ Чернышевъ обязывался при перенесеніи иконы въ Оренбургъ «миновать всѣ, по тракту находящіяся, татарскія селенія», и самое перенесеніе иконы принималъ «на свой коштъ» [1]).

Поручивъ предварительно произвести «*надлежащее разслѣдованіе древности и досточтимости св. иконы*» [2]), преосвященный Антоній своимъ особымъ отношеніемъ увѣдомилъ генералъ-губернатора Вас Алекс. Перовскаго о поступившей къ нему просьбѣ Дѣева и Владимірцева и спрашивалъ его—«нѣтъ ли какихъ либо препятствій къ удовлетворенію оной»? [3]).

---

[1]) Отношеніе преосвященнаго Антонія къ генералъ-губернатору Перовскому отъ 13 іюля 1855 года за № 4529 (Арх. Оренб. Уч. Арх. Комиссіи, гражд. отдѣленіе, д. отъ 19 іюля 1855 года).

Поводомъ къ тому, чтобы миновать татарскія деревни, вѣроятно, послужилъ слѣдующій случай, описанный въ «Сказаніи». «Въ 1848 году во время губительной эпидеміи жители завода Архангельскаго, съ благословенія мѣстнаго архипастыря, брали къ себѣ икону Богоматери. Когда святыню несли чрезъ населенную магометанами деревню Зелимъ-Каранъ, то одинъ изъ жителей съ дерзновеніемъ богохульствовалъ противъ святыни и однодеревенцы уговаривали его отъ такого неразумія, но онъ не внималъ благому совѣту. Чѣмъ-же кончилась эта дерзская выходка?—Тѣмъ, что онъ въ виду всѣхъ скоропостижно умеръ и донынѣ, добавляетъ «Сказаніе», объ этомъ разсказываютъ татары—жители д. Карана» («Сказаніе» стр. 23). Чтобы не раздражать фанатичныхъ магометанъ, было признано болѣе благоразумнымъ совсѣмъ обходить татарскія деревни мимо.

«Сказаніе» называетъ жителей деревни Зелимъ-Каранъ татарами, но это едвали вѣрно. Зелимъ-Каранъ—деревня не татарская, а башкирская (Н. В. Ремезовъ: «Очерки изъ жизни дикой Башкиріи», Москва. 1889 г., стр, 204). Очевидно «Сказаніе» не различаетъ строго татаръ отъ башкиръ, употребляя слово татаринъ какъ синонимъ слова мусульманинъ. Отъ этого, вѣроятно, и произошло то противорѣчіе между 4 и 13 страницами «Сказанія», о которомъ мы говорили ранѣе.

[2]) «Сказаніе», стр. 15. Плодомъ этого разслѣдованія явилось «Сказаніе объ иконѣ Казанскія-Табынскія Божіей Матери» протоіерея Н. Гуменскаго, послужившее прототипомъ нерѣдко приводимаго нами печатнаго «Сказанія».

[3]) Отношеніе преосвященнаго Антонія генералъ-губернатору Перовскому отъ 13 іюля 1855 г. за № 4529. (Арх. Оренб. Уч. Арх. Комиссіи гр. отд., д. отъ 19 іюля 1855 г.).

Въ отвѣтъ на это отношеніе генералъ-губернаторъ В. А. Перовскій увѣдомилъ преосвященнаго Антонія, что «къ удовлетворенію просьбы оренбургскаго потомственнаго почетнаго гражданина Степана Дѣева и повѣреннаго отъ жителей г. Стерлитамака Василія Владимірцева..... препятствій съ его стороны не имѣется» [1]).

При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ началось дѣло объ ежегодномъ приносѣ въ г. Оренбургъ Табынской иконы Божіей Матери, но въ 1855 году св. икона всетаки не была принесена въ г. Оренбургъ, такъ какъ на совершеніе крестнаго хода изъ села Табынскаго въ г. Оренбургъ не было еще дано разрѣшеніе Св. Синода. Таковое было получено преосвященнымъ Антоніемъ только лишь въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1856 года, о чемъ 2 іюня того-же года онъ увѣдомилъ генералъ-губернатора Перовскаго особымъ отношеніемъ за № 3282 [2]), *а въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1856 года совершилось и самое принесеніе въ г. Оренбургъ Табынской иконы Божіей Матери* [2]).

Такимъ образомъ, только лишь 1856 годъ мы можемъ считать годомъ оффиціальнаго установленія ежегоднаго приноса Табынской иконы Божіей Матери изъ с. Табынска въ г. Оренбургъ.

Какъ время прибытія Табынской иконы въ г. Оренбургъ, такъ и срокъ ея пребыванія въ немъ были точно опредѣлены и указаны въ особомъ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ къ оренбургскому генералъ-губернатору отъ 12 декабря 1856 года за № 250. Въ этомъ отношеніи говорится, что «по всеподданѣйшему докладу оберъ-прокурора Св. Синода ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ ВЫСОЧАЙШЕ повелѣть соизволилъ: переносить ежегодно находящуюся въ церкви села Табынска, Стерлитамацкаго (*sic*) уѣзда, икону Казанской Божіей Матери въ г. Оренбургъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ и въ г. Стерлитамакъ - въ IX-ю пятницу послѣ Пасхи, въ сопровожденіи крестнаго хода, съ тѣмъ, чтобы наблюденіе за порядкомъ и благочиніемъ въ

---

[1]) Тамъ-же.
[2]) Тамъ-же.

народѣ во время сего хода возложено было на обязанность мѣстной полиціи» [1]) Увѣдомляя графа Перовскаго о таковомъ ВЫСОЧАЙШЕМЪ повелѣніи, министръ внутреннихъ дѣлъ С. Ланской присовокуплялъ, что «по донесенію преосвященнаго оренбургскаго, граждане г. Оренбурга изъявили желаніе принимать означенную икону въ 8 число сентября и имѣть оную у себя три недѣли, а для пребыванія сей иконы въ г. Стерлитамакѣ достаточно восьми дней».

Но порядокъ, установленный этимъ отношеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, удержался очень недолго. Уже въ слѣдующемъ 1857 году преосвященный Антоній по просьбѣ оренбургскихъ гражданъ и вслѣдствіе рапорта оренбургскаго благочиннаго, протоіерея Спасо-Преображенскаго собора Алексѣя Розанова, разрѣшилъ продлить время пребыванія иконы до одного мѣсяца, т. е. до 8 октября.

Однако этимъ распоряженіемъ преосвященнаго Антонія остались недовольны жители села Табынска и въ 1861 г., по рапорту табынскаго священника Н. Гуменскаго, автора «Сказанія», уфимская духовная консисторія отнеслась къ оренбургской съ предложеніемъ сократить срокъ пребыванія иконы, но оренбургское епархіальное начальство съ этимъ не согласилось [2]). Мало того, впослѣдствіи срокъ пребыванія иконы въ г. Оренбургѣ былъ еще болѣе увеличенъ и продолженъ до полутора мѣсяцевъ. О такомъ именно установившемся порядкѣ свидѣтельствуетъ Ив. Вас. Черновъ, который въ своихъ запискахъ говоритъ слѣдующее: «Къ приносу св. иконы, что бываетъ 7 сентября, въ Оренбургъ стекается масса людей изъ ближайшихъ селъ, станицъ и даже селеній Бузулукскаго уѣзда (Самарской губерніи). *Икона остается до 22 октября*, когда она выносится по особо составленному маршруту» [3]).

---

[1]) Архивъ Ор. Уч. Арх. Комиссіи, отд. гражд., дѣло отъ 19 іюля 1855 года.

[2]) Н. Чернавскій: «Оренбургская епархія», вып. II, стр. 669.

[3]) «Труды» О. У. А. К., вып. XVIII, стр. 154. Какъ ни продолжителенъ установившійся срокъ пребыванія св. иконы въ г. Оренбургѣ, но и онъ все-таки недостаточенъ въ настоящее время для такого города, какъ Оренбургъ, который съ каждымъ годомъ растетъ и имѣетъ теперь болѣе 100 тысячъ жителей. Въ справедливости нашихъ словъ убѣждаетъ открытое письмо, помѣщенное въ одномъ изъ осеннихъ №-ровъ «Оренбургской газеты» 1910 г. и упрекающее, насколько намъ помнится, мѣстное ду-

Такой порядокъ существуетъ и доселѣ. Ежегодно 7-го сентября Табынская икона Божіей Матери приносится въ г. Оренбургъ, а 22 октября выносится изъ него для посѣщенія другихъ мѣстъ. Ко дню приноса Табынской иконы Божіей Матери составляется особое расписаніе съ указаніемъ,—въ какіе дни и въ какихъ церквахъ будетъ пребывать эта св. икона [1]). Въ зависимости отъ того, откуда приносится Табынская икона Божіей Матери—со стороны-ли Нѣжинскаго поселка [2]) или со стороны Богодуховскаго монастыря [3]),—мѣняется и самое расписаніе.

Въ день прибытія св. иконы въ г. Оренбургъ (7-го сентября) уже съ ранняго утра можно наблюдать на улицахъ этого города непрерывныя вереницы какъ мѣстныхъ, такъ и пришлыхъ—иногда очень издалека—богомольцевъ, поспѣшно направляющихся за городъ для встрѣчи св. иконы. Когда же св. икона приближается къ городу, она встрѣчается уже всѣмъ городскимъ духовенствомъ въ предшествіи мѣстныхъ архипастырей, губернскими начальствующими лицами и мѣстными войсками съ оркестромъ полковыхъ музыкантовъ. Громадная масса народа, встрѣчающаго крестный ходъ, группы богомольцевъ

ховенство въ поспѣшности служенія молебновъ и въ пропускѣ нѣкоторыхъ квартиръ. Очевидно эта, неугодная автору письма, поспѣшность вызывается простою необходимостью и добрымъ желаніемъ посѣтить возможно большее количество своихъ прихожанъ. Но и при всемъ этомъ, и даже при все-ночномъ хожденіи со св. иконою, духовенство не успѣваетъ удовлетворить всѣхъ желающихъ принять ее. Ясно, что для Оренбурга полуторамѣсячный срокъ пребыванія иконы въ настоящее время сталъ уже недостаточнымъ. Пользуясь случаемъ, не можемъ не отмѣтить здѣсь одного довольно страннаго на первый взглядъ обстоятельства. Тогда, какъ оренбуржцы ропщутъ на то, что за недостаткомъ времени нѣкоторыя квартиры остаются не посѣщенными Табынскою иконою,—въ г. Уфѣ Табынская икона вовсе не бываетъ. Это объясняется тѣмъ, что въ г. Уфѣ еще въ 1841 г. (21 августа) былъ освященъ соборъ, «главною достопримѣчательностью котораго служитъ почитаемая за чудотворную древняя икона Казанской Божіей Матери, явившаяся первоначально въ с. Богородскомъ, Уфимскаго уѣзда, куда бываетъ торжественный крестный ходъ съ иконою изъ Уфы на 8 іюля». (Н. Чернавскій «Оренб. епархія» вып. 1, стр. 194).

[1]) См. приложеніе № 13-й.

[2]) Нѣжинскій поселокъ находится въ 17-ти верстахъ отъ Оренбурга, на восточной сторонѣ его.

[3]) Богодуховскій монастырь находится въ 3-хъ верстахъ отъ Оренбурга, на западной его сторонѣ, на горѣ «Маякъ», получившей свое названіе отъ сторожевыхъ казачьихъ постовъ, называвшихся «маяками». «Маяки» обычно состояли изъ четырехъ столбовъ съ помостомъ и длиннымъ шестомъ, обвитымъ соломой, которая зажигалась тогда, когда угрожала опасность. («Русская Старина» 1896 года, май стр. 414).

съ загорѣвшими и запыленными лицами, сопровождающихъ крестый ходъ, праздничный колокольный звонъ, пѣніе прекраснаго архіерейскаго хора, сливающееся съ звуками полковой музыки, играющей «Коль славенъ», обще-народное пѣніе тропаря «Заступнице усердная»[1]), присутствіе парадирующихъ войскъ со знаменами и шествіе многочисленнаго духовенства въ преднесеніи хоругвей и св. иконъ,—все это вмѣстѣ производитъ такое неотразимо-чарующее, умилительное зрѣлище, которое трудно забыть... При видѣ такого церковнаго торжества намъ становится вполнѣ понятнымъ невольный возгласъ одного изъ богомольцевъ, а, можетъ быть, и изъ случайныхъ зрителей: «Нѣтъ, не оскудѣла еще вѣра въ русскомъ народѣ!».

Встрѣченная такимъ торжественнымъ крестнымъ ходомъ, св. икона, по прибытіи въ Оренбургъ, тотчасъ-же вносится въ каѳедральный соборъ, а на слѣдующій день (8 сентября), по окончаніи литургіи въ соборѣ, совершается крестный ходъ со св. иконою на рѣку Уралъ для водоосвященія, послѣ чего св. икону обносятъ вокругъ всего города и приносятъ обратно въ соборъ, откуда она постепенно, согласно сдѣланному расписанію, переносится въ другія городскія церкви, въ которыхъ по этому случаю совершаются праздничныя Богослуженія. Во время, свободное отъ Богослуженій, св. икона посѣщаетъ обычно дома прихожанъ той церкви, въ которой она временно пребываетъ, не прекращая посѣщеній даже и въ ночное время.

Почему-то принято думать, что только дурные примѣры заразительны. Однако иногда бываетъ и наоборотъ: особенно наглядно можно убѣдиться въ этомъ изъ исторіи развитія крестнаго хода изъ села Табынска въ г. Оренбургъ въ крестный ходъ, шествующій почти по всѣмъ городамъ и селеніямъ Оренбургской епархіи. Случилось это такимъ образомъ. Жители г.

---

[1]) См. приложеніе № 14. Въ день приноса св. иконы въ Оренбургъ (около 12 часовъ дня) въ учебныхъ заведеніяхъ Минист. Нар. Просв. обычно совсѣмъ не бываетъ учебныхъ занятій, а въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ занимаются только до 11 часовъ утра. (Н. Чернавскій: „Оренбургская епархія“, вып. II, стр. 668). Оренбургское отдѣленіе Государственнаго Банка бываетъ открыто въ этотъ день только отъ 9 до 11 часовъ утра.

Оренбурга пожелали видѣть у себя Табынскую икону Божіей Матери по примѣру жителей г. Стерлитамака, а по примѣру оренбуржцевъ захотѣли встрѣтить у себя св. икону и жители различныхъ другихъ—преимущественно казачьихъ—селеній Оренбургской губерніи.

Уже 30 іюля 1857 года наказный атаманъ оренбургскаго казачьяго войска рапортомъ своимъ за № 1367 доносилъ оренбургскому генералъ губернатору, что «жители Чернорѣченской станицы и прочихъ станицъ 1 и 2 полковыхъ округовъ, расположенныхъ отъ Оренбурга внизъ по Уралу, *также изъявляютъ усердное желаніе имѣть у себя святыню*, а потому просятъ объ исходатайствованіи разрѣшенія, чтобы икона Божіей Матери изъ Оренбурга была проносима по станицамъ лѣваго берега Урала до станицы Красноярской, а оттуда, по переходѣ на правый берегъ Урала, въ станицу Разсыпную, возвращалась по станицамъ того берега въ Оренбургъ» [1]).

Когда генералъ-адъютантъ А. А. Катенинъ, смѣнившій графа Перовскаго [2]), 6 августа того-же 1857 года увѣдомилъ преосвященнаго Антонія объ этомъ желаніи станичниковъ 1 и 2 полковыхъ округовъ, то послѣдній, найдя неудобнымъ сдѣлать это въ томъ-же (1857) году за краткостью срока пребыванія св. иконы въ г. Оренбургѣ (8-е число октября), призналъ возможнымъ на будущее время установить такой порядокъ: «Въ будущее лѣто, писалъ преосвященный, икона поднимется 15-ю днями противъ нынѣшняго года ранѣе, а именно вмѣсто 1-го августа—15 іюля, и, слѣдуя по маршруту, нынѣ составленному, къ Оренбургу пронесется помимо его сперва къ станицамъ, расположеннымъ на правомъ берегу Урала, начиная

---

[1]) Архивъ Оренб Уч. Арх. Ком., гражд. отд., д. отъ 19 іюля 1855 г.

[2]) Графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій былъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ съ 1851 по 1857 годъ, а первоначально (съ 1833 по 1842 годъ) онъ состоялъ оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ. (Н. Чернавскій: „Оренбургская епархія“, вып. II, стр. 908—909).

Генералъ-адъютантъ Александръ Андреевичъ Катенинъ, смѣнившій В. А. Перовскаго, состоялъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ съ 1857 по 1860 годъ, когда онъ умеръ отъ аневризма (Н. Чернавскій: «Оренб. епархія», вып. II, стр. 74.

съ станицы Чернорѣченской, а потомъ съ станицы Разсыпной, перейдя Уралъ, пронесется къ Оренбургу по станицамъ лѣвой стороны Урала» [3]).

Послѣ принесенія Табынской иконы Божіей Матери въ станицы Чернорѣченскую и Разсыпную пожелали принять къ себѣ эту св. икону и жители 4-го полкового округа—станицы Красногорской и отрядовъ: Новочеркасскаго, Островного, Гирьяльскаго, Александровскаго, Изякъ-Никитинскаго, станицъ Верхнеозерной и Ильинской. Жители этихъ селеній чрезъ наказнаго атамана обратились 16 сентября 1858 года съ ходатайствомъ о томъ, чтобы «Табынскую икону Божіей Матери въ обратное слѣдованіе изъ г. Оренбурга въ село Табынское нести чрезъ ихъ селенія» [2]).

Въ слѣдующемъ 1859 году было удовлетворено и это ходатайство. Такъ постепенно съ каждымъ годомъ расширялся районъ слѣдованія Табынской св. иконы по необъятнымъ пространствамъ Оренбургской епархіи [3]). Въ 1871 году св. икона была принесена въ первый разъ въ г. Уральскъ.

«Вообще, говоритъ Н. М. Чернавскій, по установленному порядку икона Божіей Матери изъ села Табынска выносится послѣ IX пятницы по Пасхѣ и по близости границъ оренбургской епархіи вскорѣ вступаетъ въ нихъ по Верхнеуральскому уѣзду. Затѣмъ, смотря по тому, если Пасха бываетъ ранняя и, слѣдовательно, времени отъ IX-й пятницы остается больше въ распоряженіи, чѣмъ при поздней Пасхѣ, то св. икону заносятъ не только въ г. г. Верхнеуральскъ, Троицкъ, и Орскъ, какъ всегда, но и въ отдаленный г. Челябинскъ и даже иногда въ г. Кустанай, Тургайской области, съ ихъ уѣздами. Послѣ нахожденія въ гор. Оренбургѣ икона слѣдуетъ

---

[1]) Отношеніе преосвященнаго Антонія отъ 30 августа 1857 г. за № 946. (Архивъ Ор. Уч. Арх. Ком., гражд. отд., д. отъ 19 іюля 1855 года).

[2]) Рапортъ наказнаго атамана отъ 16 сентября 1858 г. за № 1827 [тамъ-же],

[3]) См. приложеніе № 15.

нѣкоторое время по Оренбургскому уѣзду, а потомъ,—иногда по южному тракту доходя до г. Уральска [1]), вступаетъ въ предѣлы Самарской губерніи» [2]). Въ село же Табынскъ св икона, совершивъ путь въ 4000 верстъ, прибываетъ уже весною слѣдующаго года, гдѣ и остается въ продолженіи весьма небольшого времени до IX-й пятницы, когда сюда, какъ мы видѣли, стекается масса окрестныхъ жителей, а также и пришлыхъ изъ губерній: Оренбургской, Самарской, Уфимской и Тобольской.

Говоря объ установившемся порядкѣ слѣдованія крестнаго хода съ Табынскою иконою Божіей Матери, нельзя обойти молчаніемъ того обстоятельства, что,—куда-бы ни припесли св. икону,—она вездѣ встрѣчается съ чувствомъ живѣйшей радости. Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ очевидцевъ встрѣчу Табынской иконы Божіей Матери въ г. Уральскѣ въ 1871 году: «жители города, говоритъ онъ, зная день прибытія (16 ноября) къ нимъ святыни, за 20 верстъ и далѣе шли и ѣхали на встрѣчу оной. Стеченіе гражданъ было весьма многолюдное. Духовенство двухъ соборовъ и шести приходскихъ церквей, съ крестнымъ ходомъ, встрѣтило святыню на пятой верстѣ отъ города. Въ ходѣ этомъ участвовали и старъ и младъ. Каждый, увидѣвъ шествующую къ нимъ Святую Гостью, старался съ благоговѣніемъ подойти къ Ней и лобызать Ее».... За одномѣсячное пребываніе въ г. Уральскѣ св иконы денно и нощно совершался крестный ходъ со святынею по домамъ» [3]).

Съ неменьшею радостью встрѣтили св. икону Божіей Матери и жители г. Верхнеуральска. Они были такъ обрадованы первымъ прибытіемъ св. иконы въ ихъ отдаленный городъ, что сочли своимъ священнымъ долгомъ увѣковѣчить это событіе, соорудивъ на мѣстѣ первоначальной встрѣчи Табынской

---

[1]) См. приложеніе № 16.

[2]) Н. Чернавскій: «Оренбургская епархія», вып. II, стр. 669—670.

[3]) „Сказаніе", стр. 25—36.

иконы,—на горѣ «Извозъ»,[1])—особый памятникъ въ воспоминаніе посѣщенія ихъ города св. иконою. Въ музеѣ оренбургской ученой архивной комиссіи хранится фотографическій снимокъ съ этого памятника, присланный сюда 11 ноября 1905 года верхнеуральскимъ уѣзднымъ исправникомъ [2]). По этому снимку можно судить, что памятникъ, сооруженный верхнеуральцами, представляетъ собою ничто иное, какъ простой четырехъ—угольный невысокій каменный (кирпичный) столбъ съ четырмя неглубокими нишами, предназначенными, очевидно, для помѣщенія иконъ, но почему-то безъ иконъ; верхъ памятника покрытъ желѣзною четырехъ-скатною крышею «съ гребешкомъ». Какъ видно, памятникъ этотъ очень незатѣйливъ: много такихъ памятниковъ можно встрѣтить на околицахъ деревень и селъ, разбросанныхъ по широкому лицу матушки-Россіи, но онъ дорогъ намъ, какъ непреложное свидѣтельство той неподдѣльной духовной радости, которую пережили верхнеуральцы при первой встрѣчѣ крестнаго хода съ Табынскою иконою Божіей Матери.

Нужно замѣтить, что съ такою радостью Табынская икона Божіей Матери встрѣчается не только тамъ, гдѣ бываетъ въ первый разъ: она и доселѣ *повсюду* встрѣчается весьма радостно, какъ это можно видѣть изъ встрѣчи ежегодно устрояемой въ г. Оренбургѣ. О томъ-же свидѣтельствуетъ и слѣдующій фактъ: церковно-приходскій совѣтъ села Михайловскаго, Оренбургскаго уѣзда, въ 1910 году назначилъ изъ своихъ членовъ даже особыхъ лицъ, обязанныхъ «слѣдить за благочиніемъ при встрѣчѣ Табынской иконы Божіей Матери и во время пребыванія ея въ селѣ Михайловскомъ» [3]).

---

[1]) По словамъ В. Н. Витевскаго, „Мѣстоположеніе прежней Верхнеяицкой крѣпости [нынѣшняго Верхнеуральска] было весьма красивое, и донынѣ не утратило своей прелести. Крѣпость находилась на лѣвомъ крутомъ берегу р. Яика [Урала]. Съ одной стороны его видѣнъ „Извозъ“ съ его глубокимъ ушельемъ, а съ другой синѣлась угрюмая сопка съ огромными камнями, подлѣ нея—Мохнатая гора, заросшая березнякомъ“ (В. Витевскій: „И. И. Неплюевъ“, стр. 140).

[2]) На этотъ именно снимокъ намъ любезно указалъ г. предсѣдатель оренб. уч. арх. комиссіи А. В. Поповъ, о чемъ мы упоминали ранѣе.

[3]) „Оренбургскія Епархіальныя Вѣдомости“ за 1911 г., № 9, стр. 229.

О благотворномъ значеніи для жителей оренбургскаго края крестнаго хода съ Табынскою иконою Божіей Матери мы скажемъ въ слѣдущей главѣ.

IV.

Значеніе крестнаго хода вообще и съ Табынскою иконою Божіей Матери въ особенности

Прежде, чѣмъ окончить нашъ очеркъ о Табынской иконѣ Божіей Матери и крестномъ ходѣ, ежегодно совершающемся изъ села Табынска въ г. Оренбургъ, считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о значеніи крестнаго хода вообще и этого въ особенности.

Съ самой глубокой древности въ церкви православной утвердился обычай по случаю общественно-скорбныхъ или радостныхъ событій совершать крестные ходы, т е. открытыя всенародныя священно-соборныя шествія или моленія вѣрующихъ внѣ храмовъ Божіихъ въ предшествіи святаго креста, евангелія, хоругвей и св. иконъ. Избавленіе отъ моровыхъ повѣтрій, одержаніе побѣды надъ врагами Церкви и государства, испрошеніе милости Божіей во время засухи или безведрія—побуждаютъ христіанъ собираться воедино, чтобы вознести Господу свою единодушную молитву. «Подлинно, если когда, то во время крестныхъ ходовъ, говоритъ одинъ древнехристіанскій писатель,—мы собираемся вмѣстѣ для того, чтобы на подобіе нѣкоего воинскаго отряда со всѣхъ сторонъ сдѣлать къ Богу приступъ молитвы» (Тертулліанъ). «При крестныхъ ходахъ на путяхъ и перекресткахъ,—говоритъ св. Симеонъ Солунскій,—мы творимъ моленія для того, чтобы *очистить*

всѣ пути и распутія, осквернённыя нашими грѣхами, подъемлемъ изъ храмовъ священныя иконы, вносимъ честные кресты, а иногда, гдѣ есть, и священнѣйшія мощи святыхъ для того, *чтобы освятить и людей, и все, что потребно имъ для жизни*, т. е. дома, пути, воду, воздухъ и самую землю, попираемую и оскверняемую стопами грѣшниковъ». (гл. 353) [1]).

Таковъ древній, исконный смыслъ и значеніе крестныхъ ходовъ, по изъясненію учителей Церкви. Несомнѣнно, что крестные ходы должны служить однимъ изъ сильныхъ средствъ къ воспитанію въ насъ вѣры, благочестія и страха Божія. Такъ оно и бываетъ, какъ это особенно наглядно можно видѣть именно на крестномъ ходѣ съ Табынскою иконою Божіей матери. Вотъ что свидѣтельствуетъ намъ рапортъ причта, сопровождавшаго св. икону въ 1871 году изъ г. Оренбурга въ г. Уральскъ. Въ виду особеннаго интереса этого рапорта позволимъ себѣ привести его здѣсь цѣликомъ, несмотря на его нѣсколько своеобразный языкъ.

«По вниманію къ тому, говорится въ рапортѣ, что слѣдованіе съ Табынскою иконою въ г. Уральскъ, по желанію жителей и съ разрѣшенія Св. Синода, открыто въ первый разъ,—и что Уральскій край въ религіозномъ отношеніи преимущественно есть единовѣрческій, а въ средѣ единовѣрія не малое мѣсто занимаетъ и расколъ, шествіе святыни Табынской въ таковой край заслуживало особеннаго вниманія не только путевого причта, но и всѣхъ, кто ревнуетъ о прославленіи имени Богоматери въ досточтимой Табынской Ея иконѣ. Для встрѣчи и безпрепятственнаго шествія святыни въ г. Уральскъ былъ командированъ уральскаго уѣзднаго начальника помощникъ г. Чертороговъ [2]). Онъ встрѣтилъ святыню за 180 верстъ

---

[1]) Архіепископъ Веніаминъ: «Новая Скрижаль», СПБ. 1909 г., стр. 530—531.

[2]) Упоминаемый здѣсь Чертороговъ, вѣроятно,—одинъ изъ потомковъ сотника Черторогова, повѣшеннаго Пугачевымъ въ числѣ первыхъ его жертвъ въ г. Яицкѣ. [Соч. А. С. Пушкина. СПБ. 1887 г., изд. Суворина, стр. 20].

на чертѣ Уральскаго края и именно въ городкѣ Илецкомъ: откуда и сопутствовалъ до самаго г. Уральска. Онъ-же сопровождалъ насъ и обратно. На протяженіи пути по означенному тракту встрѣчалось не мало и селеній, жителями коихъ мало того, что оказана подобающая честь Царицѣ Небесной въ единовѣрческихъ храмахъ службою и торжественною съ скрестнымъ ходомъ встрѣчею въ оные; усердіе ихъ простиралось даже и до святого желанія приносить святыню въ свои дома. Въ форпостѣ Генварцевскомъ, гдѣ проходила святыня и нѣсколько часовъ совершалась служба въ домахъ, передано жителями слѣдующее событіе, совершившееся въ прошломъ 1870 году отъ Табынской иконы Богоматери въ бытность ея въ г. Илецкомъ. «У односеленнаго ихъ казака №№ больна была дочь ногами и нѣсколько лѣтъ положительно ими не владѣла. Случилось быть этому казаку въ г Илецкомъ по хозяйственнымъ нуждамъ вмѣстѣ со своимъ братомъ №№. Братъ былъ единовѣрцемъ, а другой—отецъ больной—состоялъ въ сектѣ некудынцевъ (такъ называются тамъ нѣтовцы) [1]). Пріѣздъ ихъ въ Илецкъ совпадалъ со временемъ посѣщенія онаго и Табынскою святынею, что было въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1870 года. Братъ-единовѣрецъ, замѣтя почитаніе святыни жителями Илецкими, самъ возымѣлъ желаніе молиться Ей, къ чему приглашалъ и брата своего—некудынца. Сей послѣдній. отказываясь, по своему сектанскому заблужденію, невѣріемъ въ таковую святыню, долго не соглашался и склонился на молитву только по слѣдующему убѣжденію брата: «у тебя вѣдь есть дочь больная, помолись лучше, быть можетъ Пречистая и пошлетъ ей исцѣленіе».

Такое убѣжденіе брата подѣйствовало на невѣра. Отслужили молебенъ Царицѣ Небесной, и молитва ихъ была услышана Ею. Возвратясь изъ Илецка домой—въ форпостъ Генварцевскій, вышесказанная больная встрѣчаетъ своего отца и

---

[1]) Нѣтовцы—тѣ безпоповцы, которые утверждаютъ, что теперь нѣтъ ни спасительныхъ таинствъ, ни общественнаго богуслуженія. [«Пастырско-Миссіонерскій Календарь за 1908 г.» СПБ., изд. Скворцова, стр. 179].

съ радостью объявляетъ, что она выздоровѣла. Отецъ спрашиваетъ: «когда дочь выздоровѣла?». Изъ отвѣта семьи казакъ узналъ, что она выздоровленіе получила въ то самое время, когда онъ съ братомъ молился Табынской чудотворной иконѣ Богоматери въ городкѣ Илецкомъ. Этотъ фактъ, переданный намъ жителями форпоста Генварцевскаго, въ настоящее время подлежитъ разслѣдованію. Благочинный г. Уральска іерей Донсковъ, въ вѣдомствѣ коего состоитъ Генварцевскій приходъ, по надлежащемъ разслѣдованіи, обѣщалъ сообщить о семъ какъ своему епархіальному начальству, такъ и настоятелю Табынской церкви, со включеніемъ такового событія въ приходскую лѣтопись.

Заявляя объ этомъ фактѣ, не лишнимъ считаемъ сообщить и о пребываніи святыни въ г. Уральскѣ. Жители города, зная день прибытія (16 ноября) къ нимъ святыни, за 20 верстъ и далѣе шли и ѣхали на встрѣчу оной. Стеченіе гражданъ было весьма многолюдное. Духовенство двухъ соборовъ и шести приходскихъ церквей съ крестнымъ ходомъ встрѣтило святыню на пятой верстѣ отъ города. Въ ходѣ этомъ участвовали и старъ и младъ. Каждый, увидѣвъ шествующую къ нимъ Святую Гостью, старался съ благоговѣніемъ подойти къ Ней и лобызать Ее, а нѣкоторые съ дѣтскою простотою тѣснились къ массѣ народа, горя тѣмъ-же святымъ желаніемъ. При этомъ мѣстнымъ духовенствомъ замѣчено было еще и то, что нѣкоторые изъ раскольниковъ, бывъ первоначально любопытными зрителями, приступили сами къ святынѣ и несли Ее на своихъ рукахъ. Этотъ ихъ приступъ, совершившійся воочію всѣхъ и первоначально удивившій какъ православныхъ, такъ и единовѣрцевъ, еще болѣе удивилъ, когда при приносѣ иконы въ храмъ, раскольники, никогда не посѣщавшіе оныхъ, стали ходить въ оные на богослуженіе и принимать святыню въ свои дома. Не есть-ли это видимый промыслъ Царицы Небесной, вразумляющій насъ и соединяющій всѣхъ во едино стадо Единороднаго Сына Ея Іисуса Христа?

Уральцы за единомѣсячное пребываніе святой иконы въ ихъ городѣ не остались неблагодарными къ Царицѣ Небесной—

усердіе ихъ было слишкомъ велико: денно и нощно совершался крестный ходъ со святынею по домамъ. Въ день выноса св. иконы изъ г. Уральска въ предлежащій путь несмѣтная масса народа совмѣщала въ себѣ всѣхъ и все; здѣсь уже не рознились ни православные, ни единовѣрцы, ни раскольники, а всѣ дышали, такъ сказать, однимъ общимъ чувствомъ одинаковой любви и благоговѣйнаго почитанія святыни православія. Вообще можемъ донести вашему высокоблагословенію (т. е. священнику Н. Гуменскому, настоятелю с. Табынскаго), что уральцы за честь, какую они воздали святынѣ, достойны подражанія многихъ, ищущихъ заступленія въ дѣлѣ спасенія Пресвятой Матери Господа Бога. Мѣсяца декабря 24-го дня 1871 г. № 94. Подлинный подписали: священникъ Іоаннъ Смирновъ, діаконъ Меѳодій Скворцовъ и діаконъ Николай Гуменскій» [1]).

Основываясь на только что приведенномъ рапортѣ, съ полною достовѣрностью можно сказать, что необычно продолжительный, изъ года въ годъ повторяющійся, и по мѣстамъ, какъ бываетъ, напр., въ г. Оренбургѣ, весьма торжественный крестный ходъ съ Табынскою иконою Божіей Матери, дѣйствительно, имѣетъ весьма благотворное вліяніе. Возвышая религіозное чувство до самой сильной степени, онъ не только способствуетъ возбужденію вѣры, благочестія и страха Божія, но имѣетъ еще и миссіонерское значеніе, такъ какъ по меньшей мѣрѣ уничтожаетъ ту вѣковую рознь между старообрядцами и православными, которая возникла между тѣми и другими еще со временъ патріарха Никона.

Но извѣстно, что помимо православныхъ и старообрядцевъ въ оренбургскомъ краѣ имѣется еще и различнаго рода сектанты не только реціоналистическаго направленія, какъ-то:

---

[1]) „Сказаніе“, стр. 34—36.

штундисты, баптисты и т. н. евангелики, но и мистическаго,— каковы, напримѣръ, хлысты [1]).

Мы глубоко убѣждены, что не будь ежегоднаго крестнаго хода съ древнею чудотворною Табынскою иконою Божіей Матери, возбуждающаго и питающаго религіозное чувство [2]) многихъ жителей оренбургскаго края, число отщепенцевъ отъ православной церкви тогда насчитывалось-бы по мѣстамъ не десятками и сотнями, какъ теперь, а цѣлыми тысячами.

Русскій человѣкъ—вездѣ русскій..,.. и любитъ онъ помолиться древней чудотворной святынѣ, а оренбургскій край, какъ край новый, не богатъ не только ими [3]), но даже и храмами. На всю оренбургскую епархію, превосходящую обширностью своей территоріи даже нѣкоторыя государства Западной Европы [4]), имѣлось въ 1911 году всего только 710 храмовъ, считая въ томъ числѣ церкви—школы и даже молитвенные дома [5]). Неудивительно, поэтому, что русскіе богомольные люди, вынужденные обстоятельствами жить въ оренбургскомъ краѣ среди чуждыхъ имъ по духу инородцевъ и ино-

---

[1]) По статистическимъ даннымъ первой всеобщей переписи 1897 г. въ Оренбургской губерніи имѣется: 1.177.240 православныхъ съ единовѣрцами, 49.264 старообрядца, 1.981 сект. раціоналистическаго направленія и 1.525 сектантовъ мистическаго направленія [„Пастырско-Миссіонерскій календарь на 1908 г.“, СПБ. 1908 г., стр. 145].

[2]) Не лишне замѣтить, что знаменитый Иннокентій, архіепископъ херсонскій и таврическій смотрѣлъ на крестные ходы именно какъ „на одно изъ средствъ возбужденія религіознаго чувства въ народѣ“ и потому относился къ совершенію ихъ крайне внимательно. [«Рус. Стар.» 1879 г., апрѣль, стр. 687].

[3]) Въ оренбургской епархіи древность даже самихъ храмовъ не восходитъ далѣе XVIII вѣка.

[4]) О пространствѣ оренбургской епархіи можно судить по слѣдующимъ даннымъ, имѣющимся въ капитальномъ трудѣ Н. Чернавскаго: «Оренбургская епархія». Оренбургская епархія состоитъ въ настоящее время изъ Оренбургской губерніи и Тургайской области. Первая занимаетъ площадь размѣромъ въ 3.445 квадр. миль, или 168.000 кв. верстъ, а вторая занимаетъ пространство въ 8.185 кв. саж., или 401.036 кв. верст. Такимъ образомъ, пространство оренбургской епархіи равняется 11.630 кв. милямъ, или 569 036 кв. верстамъ, тогда, какъ напр., пространство всей Германіи равняется только 9.900 кв. милямъ. (Н. Чернавскій: „Оренбургская епархія“, вып. I, стр. 266—267).

[5]) См. «Списокъ церквей и молитвенныхъ домовъ Оренбургской епархіи» за 1911 годъ“. Интересно замѣтить, что въ 1907 году всѣхъ приходскихъ церквей въ Оренбургской епархіи было 544. (Н. Чернавскій: „Оренбургская епархія“, вып. I, стр. 286—312). Ясно, что въ послѣдніе 4 года въ оренбургской епархіи замѣчается усиленное храмоздательство. Это вполнѣ своевременно и крайне необходимо. О печальныхъ и весьма вредныхъ послѣдствіяхъ удаленности прихожанъ отъ церквей и пастырей можно читать во 2 №-рѣ „Оренбургскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей„ за 1911 г. (стр. 29) и еще въ 9 №-рѣ того-же изданія и того-же года (стр. 211).

вѣрцевъ, обыкновенно ждутъ—не дождутся прибытія къ нимъ древней чудотворной Табынской иконы Божіей Матери и всякій разъ неудержимо—радостно, со слезами на глазахъ, устремляются на ея срѣтеніе.

Нельзя не пожелать, поэтому, чтобы крестный ходъ съ Табынской иконой Божіей Матери никогда не прекращалъ своего существованія, чтобы онъ и впредь изъ года въ годъ возбуждалъ религіозное чувство жителей оренбургскаго края и чрезъ то постоянно служилъ бы наилучшимъ доказательствомъ цѣлесообразности древнихъ церковныхъ установленій и учрежденій.

Въ заключеніе всего мы должны сказать, что Табынская икона Божіей Матери является тѣмъ религіознымъ флагомъ, подъ сѣнію котораго объединяются всѣ православные жители оренбургскаго края, не забывшіе преданій старины глубокой и завѣтовъ земли родной... Не даромъ оренбургскій отдѣлъ Союза Русскаго Народа объединился тоже подъ хоругвію «съ изображеніемъ Табынской иконы, какъ мѣстной святыни» [1]).

Не даромъ и новый каѳедральный соборъ г. Оренбурга носитъ наименованіе Казанскаго. Не даромъ и одной изъ главныхъ святынь этого собора служитъ копія Табынской иконы Божіей Матери. Не даромъ, наконецъ, и наибольшее количество храмовыхъ праздниковъ въ оренбургской епархіи падаетъ на дни празднованія Казанской иконы Божіей Матери. Вѣдь Табынская икона есть одинъ изъ древнѣйшихъ списковъ Казанской иконы Божіей Матери!

---

[1]) Изъ рѣчи преосвященнаго Іоакима, епископа оренбургскаго, при открытіи оренб. отд. Союза Р. Народа («Оренб. Епарх. Вѣдомости» за 1908 годъ, № 43—44, стр. 832).

Приложенія.

№ 1-й.

Названія: городъ, городокъ, городище, имѣющія въ своей основѣ одинъ корень, показываютъ, что такъ назывались тѣ населенныя мѣста, которыя были огорожены, укрѣплены стѣнами для защиты отъ враговъ. «Въ древности и въ среднихъ вѣкахъ каждый городъ былъ окруженъ стѣнами и рвомъ». («Энциклопед. словарь» Т-ва бр. Гранатъ, Москва 1901 г., т. III, стр. 1310). Подъ защитою стѣнъ развивалась торговля и промышленность, чѣмъ и вызывалось обычно построеніе городовъ и городковъ. Вотъ почему существованіе «солевареннаго городка» необходимо предполагаетъ и существованіе соляныхъ варницъ.

Чтобы дать читателямъ нѣкоторое понятіе объ устройствѣ прежнихъ т. н. городковъ и ихъ главномъ оборудованіи, а также и объ устройствѣ соляныхъ варницъ, мы приведемъ здѣсь сохранившееся подробное описаніе Налѣянскаго Усолья, находившагося въ Казанскомъ уѣздѣ и принадлежавшаго прежде Саввино-Сторожевскому монастырю. Вотъ это описаніе. Въ Усольѣ «*городокъ деревянный* на Усольскомъ озерѣ въ Соляныхъ горахъ, строеніе деревянное, а на передней стѣнѣ церковь каменная во имя Преображенія Господня, съ придѣлами святыхъ Николая и Саввы. *Въ городкѣ* пять большихъ пищалей: 1-я—19 пуд. 10 ф., 2-я—8 п. 20 ф., 3-я—7 п. 30 ф., 4-я 5 п. 30 ф., 5-я—33 ф. У четырехъ изъ нихъ станки окованы желѣзомъ; одна изъ нихъ витая, длиною аршинъ, другая—кованная, три остальныя—желѣзныя дробныя. При нихъ 77 ядеръ разныхъ статей (разной величины). Мелкаго ружья: 30 пищалей (старинное названіе всякаго огнестрѣльнаго артиллерійскаго орудія, назначавшагося для прицѣльной стрѣльбы), знамя желтое, барабанъ, 10 копій, 2 знамя кумашныхъ. *За го-*

родомъ въ трехъ саженяхъ шесть соляныхъ варницъ (Волга, Хорошевка, Любимъ, Пріѣзжая, Новикъ и Гостена) съ чренами и со всѣмъ варнишнымъ заводомъ; два амбара деревянныхъ для склада хлѣба, соли и рыбы, двѣ трубы соляныхъ пустыхъ, при нихъ сохи со чепами; двѣ трубы разсольныя, пустыя, одна въ степи въ двухъ верстахъ тридцати саженяхъ». («Описаніе документовъ и дѣлъ Архива Св. Синода», т. VIII, стр. 208). Таковъ былъ городокъ при Надѣянскомъ Усольѣ и соляныхъ варницахъ. Никакого постояннаго гарнизона при этомъ городкѣ не значится. Сами работники соляныхъ варницъ, вѣроятно, и составляли необходимый крѣпостной гарнизонъ. Бывшій «солеваренный городокъ», несомнѣнно, принадлежалъ къ тому-же типу, какъ и только что описанный. Надѣянское Усолье нѣкоторое время находилось во владѣніи князя Александра Даниловича Меньщикова, но впослѣдствіи оно было снова возвращено Савво-Сторожевскому монастырю. Около соляныхъ варницъ находилась слободка, о которой въ описаніи говорится слѣдующее:

«Подлѣ Усольскаго озера,—*слобода Усольская*, въ которой 2 двора крестьянскихъ, въ нихъ 6 человѣкъ, 26 дворовъ бобыльскихъ и работничьихъ, въ нихъ 87 человѣкъ, 1 дворъ нищенской (въ немъ одинъ человѣкъ) да дворъ пустой». (Тамъ-же). Вотъ и все населеніе слободы вмѣстѣ съ работниками соляныхъ варницъ. Не больше, вѣроятно, было и первоначальное населеніе «солевареннаго городка».

Надѣянское Усолье впослѣдствіи было причислено къ нынѣшнему Ставропольскому уѣзду Самарской губерніи. (Витевскій: «И. И. Неплюевъ», стр. 561).

№ 2-й.

Вотъ грамота царя Ѳеодора Іоанновича въ томъ видѣ, какъ она напечатана въ «Сказаніи» (стр. 7):

«А того ради царь и великій князь Ѳеодоръ Іоанновичъ всея руссіи самодержецъ указалъ тебѣ старцу Іонѣ, не могшавъ, (немелля) ѣхати въ Уфимской уѣздъ въ Вознесенскую пустынь, ногайской дороги, что башкирами сожжена, а братья разсѣяна, о чемъ Великому Государю царю и великому князю Ѳеодору Іоанновичу всея руссіи билъ челомъ тоя Вознесенскія пустыни съ Уфимскаго уѣзда строитель черный попъ Иларіонъ, а того ради тебѣ старцу Іонѣ, будучи въ той пустынѣ Вознесенской, всякое церковное имущество, утварь, какая если осталась или разграблена башкирами. равно колокола все то переписать, а также какое есть строеніе, келіи и службы также переписати, а и гдѣ были тому монастырю нами Великимъ Государемъ жалованы, а на тѣ земли Вознесенской пустыни наши грамоты утеряны, тѣ земли переписати же со тщаніемъ и намъ о всемъ томъ великому Государю царю и великому князю Ѳеодору Іоанновичу всея руссіи самодержцу сказку за твоимъ и строителя чернаго попа Иларіона подписомъ подать на москвѣ въ патріаршъ приказъ».

Въ только что приведенной грамотѣ сказано: «въ Вознесенскую пустынь ногайской дороги». Въ объясненіе этого выраженія мы должны замѣтить, что въ административномъ отношеніи прежняя Башкирія дѣлилась на четыре дороги, по которымъ были раскинуты селенія башкиръ: на Сибирскую, Казанскую, Осинскую и Ногайскую (Н. Дубровинъ: «Пугачевъ и его сообщники», СПБ. 1884 г., т. I, стр. 252) Такимъ образомъ, на это выраженіе мы должны смотрѣть какъ на топографическое указаніе мѣстоположенія Вознесенской пустыни,

находившейся среди тѣхъ башкиръ, которые поселились на древней Ногайской дорогѣ. Изъ переписи, произведенной В. А. Урусовымъ въ 1739 году, можно видѣть, что всего гуще была заселена Ногайская дорога: башкирское населеніе ея превышало взятое въ сложности число башкиръ на остальныхъ трехъ дорогахъ. На Ногайской дорогѣ числилось въ то время 4821 дворъ съ 11566 душами (В. Витевскій: «И. И. Неплюевъ», стр. 393).

№ 3-й.

Вотъ полный текстъ *грамоты царя Алексѣя Михайловича*:

«Лѣта 1756 (1657) года іюля 20 день великій Государь Царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Руссіи самодержецъ Уфимскому воеводѣ нашему стольнику Ивану Семеновичу Подгулездеву. А билъ намъ челомъ съ Уфимскаго уѣзда Вознесенской пустыни строитель, черный попъ Захарій съ братіею, да и въ томъ ево челобитьѣ сказано, что де отъ давнихъ лѣтъ владѣютъ они черный попъ Захарій и братія той Вознесенской пустыни землей въ Уфимскомъ уѣздѣ около солеваренаго городка по рѣкѣ и выше рѣчки Коренной, называемой Усолкою, (которая и поднесь именуется Коренною и Усолкою) и до бора березовика и горы березовой и той сторонѣ бора и де они тоя Вознесенской пустыни строитель черный попъ Захарій и братія тѣ земли пашутъ и сѣно косятъ, а на тѣ земли были грамоты де блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государей, Царей и великихъ князей Ѳеодора Іоанновича и Михаила Ѳеодоровича всея руссіи, а тѣ де грамоты ими строителемъ съ братіею невѣдомы, ибо утеряны допрежде, при игуменѣ Михаилѣ, а всего владѣній же Вознесенскія пустыни сорокъ десятинъ тридцатыхъ и намъ бы ихъ строителя и братію Вознесенской пустыни велѣти жаловати тѣми землями до впредь владѣти, пашни пахати и сѣно косить, а сего ради мы великій Государь Царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея руссіи велѣли есте того строителя чернаго попа Захарія съ братіею Уфимскаго уѣзда, ногайской дороги, Вознесенской пустыни пожаловать тѣми землями, пашнями и сѣнокосомъ владѣть вѣчно. А какъ къ тебѣ, воевода, сія наша грамота придетъ, то ты бы, воевода, послалъ дьяка, а

съ ними отъ дворянъ или дѣтей боярскихъ людей добрыхъ и велѣлъ бы тѣ земли, что отъ давнихъ лѣтъ ногайской дороги Уфимскомъ уѣздѣ, тѣ строитель и братія Вознесенской пустыни *отъ солеваренаго городка* вверхъ по коренной и до бора пашутъ и сѣно косятъ, переписати, и ту перепись тебѣ, воеводѣ, подать нашему приказу Казанскаго двора, а съ тоя по урочищамъ переписи выпись дати Уфимскаго уѣзда, Вознесенской пустыни, ногайской дороги, строителю, черному попу Захарію съ братіею и чтобы имъ по той выписи тѣми землями владѣти вѣчно». («Сказаніе», стр. 8—9).

Во избѣжаніе недоразумѣній считаемъ нужнымъ предупредить читателей, что текстъ грамоты царя Алексѣя Михайловича взятъ нами цѣликомъ изъ «Сказанія», такъ какъ «Уфимскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1868 годъ, въ которыхъ была помѣщена первоначально эта грамота и грамота царя Ѳеодора Іоанновича, намъ не удалось найти.

№ 4-й.

Точно такъ же подробно, какъ и Алексѣй Михайловичъ, говоритъ въ своей жалованной грамотѣ Московскому Симонову монастырю Великій Князь Дмитрій Іоанновичъ. Здѣсь мы читаемъ слѣдующее:

«Далъ Государь Князь Дмитрій Іоанновичъ Пречистой Богородицы въ домъ на Симоново воды, на Волгѣ ниже Нова-Города, Еллинскіе, да Лелюховскіе, съ озеры и съ пески, и съ заводьми, и съ подвальи, да у соли у Галичской колодези соляные, *да варницы,* да дворище дровяно, да дворъ на проѣздъ старцамъ и слугамъ; да сельцо Борисовское съ деревнями по своей душѣ на поминъ въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ». («Историческое и археологическое описаніе Московскаго Симонова монастыря» Н. Ѳ. Токмакова. Москва 1892 г., вып. I, стр. 80).

№ 5-й.

Монастыри, содержавшіеся только трудами братіи, были далеко не рѣдкость въ прежнее время. Про Рабежскую, напримѣръ, пустынь (Новгородской епархіи, Деревскія десятины), построенную въ 1697 году, извѣстно, что братства она имѣла 30 человѣкъ, селъ, деревень и крестьянъ за ней не состояло, отъ жилыхъ мѣстъ отдалена верстъ на пятнадцать и больше и *существовала исключительно трудами братіи.* («Опис. докум. и дѣлъ Архива св. Синода», т. VI, ств. 95). О томъ, каковы были монастыри прежняго времени, можно судить по слѣдующему описанію Старорусскаго Космо-Демьянскаго монастыря. По этому описанію въ немъ имѣлась только «одна церковь во имя свв. Косьмы и Даміана, построенная въ 1671 году; церковь была деревянная, съ деревянною оградою; монаховъ въ немъ было четыре человѣка». (Тамъ-же, стр. 490). Вѣроятно и Вознесенская пустынь была не лучше этого монастыря по своему благоустройству, да и по числу братіи развѣ немногимъ больше превосходила Косьмо-Демьянскій монастырь.

№ 6-й.

Считаемъ нелишнимъ замѣтить попутно, что бывшая монастырская земля перешла впослѣдствіи во владѣніе мѣдиплавильнаго Богоявленскаго завода, построеннаго въ «Юрматынской волости, на рѣчкѣ Усолкѣ» въ 1752 году коллежскими ассесорами Иваномъ Твердышевымъ и Иваномъ Мясниковымъ («Топографія Оренбургской губерніи» Рычкова, стр. 400). Въ прошломъ столѣтіи Богоявленскій заводъ перешелъ во владѣніе Пашковыхъ, одинъ изъ которыхъ, недавно умершій, отставной гвардейскій полковникъ В. И. Пашковъ былъ основателемъ извѣстной секты пашковцевъ, получившей свое начало въ 70-тыхъ годахъ прошлаго столѣтія («Энц. Сл.» бр. Гранатъ, т. VII, стр. 3789). Въ 1888 году Богоявленскій мѣдиплавильный заводъ былъ закрытъ и съ 1893 года передѣланъ на стекольный (газ. «Оренбургскій край» за 1911 годъ, № 142).

Въ настоящее время подъ именемъ Богоявленскаго завода извѣстно большое заводское село, въ которомъ имѣется каменная трехъ-предѣльная церковь, построенная въ 1795 году владѣлицей завода И. И. Бекетовой. При церкви есть попечительство. Причтъ состоитъ изъ священника и псаломщика. Въ заводѣ имѣется земская соединенная школа. Приходъ состоитъ изъ завода съ 2841 душами обоего пола. (Ив. Златоверхониковъ: «Уфимская епархія», стр. 194).

О началѣ Пашковщины можно читать въ «Оренбургскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1910 г., № 26, стр. 431).

№ 7-й.

Объ основаніи г. Оренбурга Кирилловъ такъ говорилъ въ своемъ донесеніи Св. Синоду: «Повелѣніемъ Ея Императорскаго Величества велѣно мнѣ у устья Орскаго (у устья рѣки Ори) надъ рѣкою Яикомъ (Ураломъ), между башкирскаго житья и кайсацкихъ, каракалпацкихъ и калмыцкихъ ордъ, построить новый городъ, *именемъ Оренбургъ, и 6 Августа 1735 года крѣпость, а 31-го того-же Августа городъ заложенъ*,[1]) а въ крѣпости деревянная церковь, въ которой нынѣ поставлена полковая св. апостола Андрея Первозваннаго. Въ Оренбургѣ же заведены латинская и русская съ довольнымъ числомъ учащихся, тако-жъ арабская и калмыцкая школы и чрезъ чинившуюся проповѣдь Слова Божія, при самомъ еще сего дѣла началѣ нѣсколько человѣкъ махометановъ, калмыкъ и безвѣрниковъ, христіанскій законъ нашъ приняли и впредь воспріятіе онаго многими весьма надежно». (Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Правит. Синода», т. XVI, стр. 87—89).

Изъ этого донесенія Кириллова видно, что первоначально г. Оренбургъ былъ заложенъ 31 августа 1735 года на устьѣ рѣки Ори—при впаденіи ея въ рѣку Уралъ. Отсюда и произошло названіе города «Оренбургъ», что значитъ—городъ, построенный на р. Ори, но впослѣдствіи одинъ изъ преемниковъ

---

[1]) Мѣстные историки (Чернавскій, Столпянскій, Витевскій, Алекторовъ и Добросмысловъ) утверждаютъ, что Оренбургская крѣпость была заложена 15 августа 1735 года, а самый Оренбургъ 30-го августа, но въ виду приведенныхъ нами собственныхъ словъ Кириллова, мы не рѣшаемся согласиться съ ними и признаемъ, что крѣпость была заложена 6-го августа 1735 года, а самый городъ Оренбургъ 31 августа. Тотчасъ же послѣ основанія города въ немъ были заведены Кирилловымъ миссіонерскія школы, просуществовавшія, по всей вѣроятности, очень недолго.

Кириллова — Вас. Накит. Татищевъ нашелъ это мѣсто неудобнымъ для г. Оренбурга и составилъ проектъ о перенесеніи его на новое мѣсто — въ урочище «Красная гора», гдѣ теперь Красногорская станица.

Однако, хотя этотъ проектъ былъ одобренъ правительствомъ и были начаты уже и работы по перенесенію Оренбурга на это мѣсто, онъ все-таки не былъ построенъ на этомъ мѣстѣ потому, что смѣнившій впослѣдствіи Татищева И. И. Неплюевъ не одобрилъ предположенія Татищева, вслѣдствіе чего 15 октября 1742 года появился новый сенатскій указъ «о нестроеніи Оренбурга при урочищѣ Красная гора и о переносѣ его на мѣсто, именуемое Бердскъ», а 19 апрѣля 1743 года Оренбургъ былъ снова заложенъ на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ генералъ-инженеромъ Штокманомъ.

Такимъ образомъ, нынѣшній Оренбургъ построенъ уже на третьемъ мѣстѣ, а на прежнемъ его мѣстѣ находится теперь уѣздный городъ Орскъ. На мѣстѣ нынѣшняго Оренбурга прежде находилась Бердская крѣпость, казаки которой съ построеніемъ Оренбурга были выселены на берегъ Сакмары, гдѣ и основали Бердскій поселокъ, пріобрѣвшій впослѣдствіи печальную извѣстность, какъ главное мѣстопребываніе (столица) Пугачева. (Н. Чернавскій: «Оренбургская епархія», вып. I, стр. 47 и 53, и П. Столпянскій: «Изъ прошлаго Оренбургскаго края, изд. 1906 г., стр. 10).

№ 8-й.

Съ подобнымъ же явленіемъ мы встрѣчаемся въ болѣе позднее время въ Илецкой Защитѣ. Въ 1754 году торговля солью сдѣлалась государственной регаліей и правительство назначило продажную цѣну соли 35 коп. за пудъ. Въ разныхъ мѣстахъ Оренбургской губерніи учреждены были соляные магазины, а въ Оренбургѣ—соляное правленіе. Первый, занявшійся добычею соли, подрядчикъ былъ сотникъ оренбургскихъ казаковъ Алексѣй Углицкій; онъ обязывался добывать соль на свой счетъ впродолженіи четырехъ лѣтъ и поставлять въ оренбургскіе магазины до 50.000 пудовъ ежегодно, по 6 коп. съ пуда. Кромѣ того, онъ построилъ на промыслѣ, по указаніямъ инженерной команды, небольшую *защиту* съ батареями, казармы, провіантскій магазинъ и кое-что еще. Защита или крѣпость была бревенчатая (въ видѣ продолговатаго четыреугольника) и, несмотря на это, считалась и дѣйствительно была достаточнымъ оплотомъ противъ набѣговъ хищныхъ киргизъ. Рота Алексѣевскаго пѣхотнаго полка составляла гарнизонъ крѣпости. Для солдатъ и для рабочихъ на промыслѣ были построены двѣ церкви. Вблизи крѣпости находилось около 120 домовъ. Кромѣ гарнизона и казаковъ въ Илецкой Защитѣ находилось тогда до 130 ссыльныхъ, занимавшихся ломкою соли. («Исторія Оренбургской губерніи» А. Алекторова, изд. 1883 г., стр. 112-113).

Несомнѣнно, что въ исторіи Илецкой Защиты мы встрѣчаемъ почти полное повтореніе исторіи построенія «солеваренаго городка».

№ 9-й.

Намъ извѣстны слѣдующіе случаи измѣны табынскихъ казаковъ: табынскій казакъ Тимофей Красильниковъ нарочно ѣздилъ вначалѣ октября 1773 года въ лагерь Пугачева и доставилъ оттуда въ Верхне-Озерную крѣпость воззваніе Пугачева съ призывомъ къ возмущенію. 8-го октября того же 1773 года два табынскіе казака были убиты подъ стѣнами этой крѣпости въ числѣ другихъ мятежниковъ, а табынскій казакъ Иванъ Кузнецовъ, назвавъ себя *«главнымъ россійскаго и азіятскаго войска предводителемъ»*, начальствовалъ надъ всѣми башкирами при неудачной осадѣ г. Кунгура, гдѣ и былъ разбитъ правительственными войсками. (Н. Дубровинъ: «Пугачевъ и его сообщники», т. II, стр. 78—79 и 203).

№ 10-й.

Почти точно такого-же размѣра и такой формы (почти квадратной), какъ Табынская икона Божіей Матери, имѣются мѣстныя иконы въ одной изъ древнихъ приходскихъ церквей г. Москвы. Это въ Московской Саввинской, на Саввинской улицѣ, церкви, которая прежде была монастырскою церковью и построена еще въ XV вѣкѣ Мѣстныя иконы этой церкви имѣютъ слѣдующій размѣръ: икона Владимірской Божіей Матери—1 арш. 4 вершка × 15 вершк., икона Живоначальной Троицы—1 арш. 10 верш. × 1 арш. 6 вершк, и икона Саввы Освященнаго 1 арш. 10 верш. × 1 арш. 6 верш. Всѣ эти иконы письма «греческаго» и очень древняго (не позднѣе XV вѣка) происхожденія. (Священникъ Н. Модестовъ: «Историческія свѣдѣнія о Саввинской, на Саввинской улицѣ, церкви». Москва 1905 г., стр 37) Замѣчательно, что Табынская икона Божіей Матери имѣетъ большое сходство по характеру письма и тону красокъ съ перечисленными нами иконами.

№ 11-й.

Новоявленныя чудотворныя иконы и въ настоящее время обычно представляются для освидѣтельствованія въ каѳедральные соборы, гдѣ производится запись тщательно провѣренныхъ чудотвореній, происходящихъ отъ иконы, и составляется актъ о нихъ. Только послѣ такого освидѣтельствованія Св. Синодъ указомъ отъ 5 октября 1885 года призналъ чудотворность Серафимо-Понетаевской иконы Божіей Матери и предписалъ консисторіи возвратить образъ въ Понетаевскую обитель, находящуюся въ 20 верстахъ отъ г. Арзамаса, Нижегородской губерніи, и въ 12 верстахъ отъ извѣстной Саровской пустыни. («Богоматерь» Е. Поселянина, стр. 739—740). Но бывали случаи, что объявленная чудотворною икона и не возвращалась владѣльцамъ въ случаѣ сомнѣнія въ ея чудотворности или изъ какихъ либо другихъ соображеній. Такъ случилось съ Казанскою иконою Божіей Матери, найденной въ 1849 году въ приходѣ Московской Благовѣщенской, на Бережкахъ, церкви и взятой для изслѣдованія въ Московскій Высоко-Петровскій монастырь, въ которомъ эта икона остается и доселѣ. (Тамъ-же, стр. 439—440).

Ср дѣло о взятіи въ 1722 г. въ Успенскій (Московскій) соборъ якобы чудотворнаго образа Казанской Божіей Матери, находящагося въ Вознесенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ. («Описаніе документовъ и дѣлъ, находящихся въ архивѣ Св. Синода», СПБ. 1878 г., т. II, часть 2, стр. 68).

№ 12-й.

Вотъ какъ описываетъ холеру 1848 года въ Оренбургѣ очевидецъ ея—генералъ Н. Г. Залѣсовъ [1]):

Лѣто 1848 года, говоритъ онъ, было въ Оренбургѣ особенно жаркое. Уже въ маѣ мѣсяцѣ этого года температура достигала до 30° Реомюра и тогда-же началась холера. Въ іюнѣ мѣсяцѣ жара дошла до 40° и къ концу іюня эпидемія достигла ужасающихъ размѣровъ. Больные валялись на полу, въ корридорахъ, сѣняхъ и сараяхъ, въ испачканной одеждѣ, которую за недостаткомъ бѣлья нечѣмъ было смѣнить. Легкій больной сразу переходилъ въ безнадежное состояніе. Съ развитіемъ холеры исчезло вдругъ высшее начальство, пропало духовенство, сократились доктора. Горожане были брошены на волю Божію и лѣчились домашними стредствами, въ особенности перцовкой. Отраднымъ исключеніемъ изъ всего докторскаго состава былъ гражданскій врачъ, прозванный ангеломъ-хранителемъ,—докторъ Майдель [2]). „Онъ день и ночь разъѣжалъ по больнымъ, не отказывая просьбѣ самаго послѣдняго бѣдняка, и сплошь лѣчилъ недостаточныхъ людей на собственный счетъ". Утомленіе его доходило до такой степени, что прописавъ рецептъ, онъ тутъ-же засыпалъ на нѣсколько секундъ, пока его не будили крики посыльныхъ, слѣдовавшихъ за нимъ изъ дома въ домъ, чтобы позвать къ другимъ страдальцамъ.

Населеніе было лишено возможности получить даже исповѣдь и причастіе. „Къ счастію и здѣсь явился второй Майдель—это 70-лѣтній протоіерей военнаго Петропавловскаго собора

---

[1]) Генералъ Н. Г. Залѣсовъ почти всю свою жизнь провелъ въ г. Оренбургѣ: здѣсь онъ получилъ свое образованіе и здѣсь—же дослужился до званія начальника штаба. Жилъ генералъ Залѣсовъ недалеко отъ церкви Петра и Павла. Онъ помѣстилъ свои воспоминанія въ журналѣ «Русская Старина» за 1903 годъ. Эти воспоминанія весьма интересны и важны для исторіи г. Оренбурга.

[2]) Докторъ Майдель служилъ въ данное время лѣкаремъ при оренб. пограничной комиссіи. (Архивъ О. У. А. К., отд. погран., дѣло отъ 25 августа 1847 г).

Содальскій. Не смотря на жаръ, день и ночь разъѣзжалъ онъ безъ шляпы, съ развѣвающимися волосами, со св Дарами къ больнымъ. Утомленіе о. Содальскаго доходило до большей степени, чѣмъ Майделя: [1]) „старикъ дремалъ, когда его везли, и входя въ домъ, просилъ окачивать себя холодной водой и, только освѣжившись, принимался за послѣднее напутствіе“[2]).

Городъ въ это время представлялъ совершенную пустыню: не только все, что могло уѣхать вдаль, исчезло, но даже и лица, не имѣвшія права отлучаться, разбрелись по сосѣднимъ хуторамъ и деревнямъ. „На улицахъ—никого, кромѣ посыльныхъ съ лекарствами или людей служащихъ. Ставни въ домахъ закрыты во избѣжаніе жары, а въ нѣкоторыхъ и отъ поголовной смерти хозяевъ и прислуги“ [3]). Мертвые по суткамъ и болѣе валялись неприбранными: некому было дѣлать гробовъ, не было лошадей, чтобы отвозить умершихъ и т. п. На мѣновомъ дворѣ торговля почти вовсе прекратилась, а съ 3-хъ часовъ онъ представлялъ уже совершенную пустыню и въ немъ оставались только сторожа и караульные. Заболѣвшіе холерой не могли разсчитывать здѣсь на какую либо помощь: проходили сутки и болѣе, прежде, чѣмъ пріискивалась подвода, чтобы отправить страдальца въ госпиталь. Неудивительно, что офицеры, отправляясь дежурить на мѣновой дворъ, обыкновенно прощались, какъ передъ смертью, съ караульнымъ начальникомъ. Сюда рѣдко ѣздили дежурные по карауламъ.

Особенно сильна была смертность въ оренбургскомъ замкѣ, гдѣ она открылась съ самыхъ первыхъ дней холеры. «Число заключенныхъ нисколько не сообразовалось съ помѣстительностью зданія, мытье бѣлья производилось тутъ же,

---

[1]) Подвиги доктора Майделя и о. Содальскаго не обратили на нихъ вниманіе начальства.

[2]) Упоминаемый здѣсь о. Содальскій, протоіерей Петропавловской церкви, замѣтимъ кстати, совершалъ 6 августа 1832 года водосвятный молебенъ при закладкѣ каменнаго манежа на прежней главной площади г. Оренбурга. Въ настоящее время зданіе манежа занято театромъ, а на бывшей главной площади, служившей плацъ-парднымъ мѣстомъ для войска, помѣщается теперь Александровскій скверъ и фонтанъ. «Труды» Ор. Уч. Арх. Ком., вып. XII стр. 146).

[3]) Въ іюнѣ 1848 г. закрыто было даже присутствіе оренб. пограничной комиссіи. (Архивъ О. У. А. К., отд. погран., дѣло отъ 28 іюня 1848 года).

между мужскою и женскою половинами въ продолженіе дня не было никакого разобщенія». Первое, что представлялось при входѣ въ замокъ,—это уложенные рядомъ на землѣ вдоль стѣнъ казематовъ тѣла умершихъ. Тѣла не были обмыты, одежда не перемѣнена, лежали они съ искривленными и почернѣвшими лицами. «Разложеніе труповъ шло самымъ быстрымъ образомъ въ особенности на жгучемъ солнцѣ и своимъ смрадомъ они наполняли всю внутренность замка». Арестантовъ назначали подъ особымъ конвоемъ на кладбище для рытья могилъ и похоронъ умершихъ въ госпиталѣ. «Посылка преступниковъ въ темныя оренбургскія ночи для работъ за городъ дѣлалась во избѣжаніе дурного вліянія на жителей погребанія той массы умершихъ, какая свозилась по ночамъ на кладбище».

Многихъ заболѣвшихъ, послѣ сильнаго припадка холеры, принимали за умершихъ и зачастую относили въ сарай для покойниковъ. Госпиталь тогда находился въ Караванъ-Сараѣ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ холера стала значительно утихать, появилися выздоравливающіе, а у нѣкоторыхъ она началась переходить въ тифъ; въ городѣ отслужили молебенъ съ водосвятіемъ, обнесли съ хоругвями крѣпостные валы, и народъ появился на улицахъ «Холера уничтожила около половины всего населенія Оренбурга, считая и войска».

По окончаніи холеры одежда умершихъ отъ холеры солдатъ, сваленная въ караванъ-сарайскомъ госпиталѣ и загрязненная изверженіями больныхъ, была разобрана и возвращена военнымъ частямъ Замѣчательно, прибавляетъ генералъ Залѣсовъ, что не только командиры частей, даже высшее начальство, не подумали сжечь эту одежду. Напротивъ, она, показанная въ отчетахъ исключенною на умершихъ, „доставила порядочную прибыль баталіоннымъ командирамъ, и безъ того получавшимъ огромные барыши отъ постройки одежды и вообще отъ всего баталіоннаго хозяйства“ [1]).

---

[1]) «Русская Старина» 1903 г., май, стр. 267-278.

Такова была холера въ Оренбургѣ въ 1848 году и таковы бы и тогда порядки.

Очень немудрено, что съ тѣхъ поръ, какъ говоритъ «Сказаніе», эта недобрая гостья каждогодно стала посѣщать г. Оренбургъ.. («Сказаніе», стр. 15).

№ 13-й.

Для примѣра приведемъ здѣсь копію расписанія, составленнаго въ 1910 году. Вотъ оно:

«РАСПИСАНІЕ

дней пребыванія Табынской Чудотворной иконы Пресвятыя Богородицы въ церквахъ г. Оренбурга въ 1910 году.

Табынская Чудотворная Икона Божіей Матери имѣетъ быть принесена изъ Нѣжинскаго поселка 7 сентября и встрѣчена крестнымъ ходомъ изъ всѣхъ городскихъ церквей на площади около Никольской церкви, что въ Форштадтѣ, откуда тѣмъ-же крестнымъ ходомъ вносится въ Каѳедральный Соборъ. На слѣдующій день, 8 сентября, послѣ Божественной литургіи имѣетъ быть совершенъ со Св. Иконою обычный крестный ходъ изъ Собора на р. Уралъ для водоосвященія, послѣ чего Св. Икону въ крестномъ же ходѣ обносятъ вокругъ города и приносятъ обратно въ Соборъ, откуда она переносится въ другія городскія церкви въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

Мѣсяцы и дни.	Числа.	Часы.	Церкви.
Сентябрь			
Вторникъ	7	12 ч. дня	Каѳедральный Соборъ.
Четвергъ	9	5 » утра	Мѣновой дворъ и обр. въ Соборъ
»	9	5 » веч.	Крестовую церковь.
Воскресеніе	12	8 » утра	Успенскій женскій монастырь.
Понедѣльникъ	13	8 » »	Кладбищенскую церковь.
Пятница	17	10 » »	Николаевскій жен. Институтъ.
»	17	5 » веч.	Введенскую крестовую церковь.
Суббота	18	5 » »	Знаменскую единовѣрч. церк.
Воскресеніе	19	5 » »	Покровскую церковь.
Вторникъ	21	5 » »	Троицкую церковь.
Четвергъ	23	5 » »	Вознесенскую церковь.
Суббота	25	8 » утра	Георгіевск. соб. и церк. в. кладб.

Понедѣльникъ	27	8 ч. утра	Николаевскую (въ форштадтѣ).
Среда	29	5 » веч.	Петропавловскую церковь.
Четвергъ	30	5 » »	Воскресенскую церковь.
Октябрь			
Воскресеніе	3	8 » утра	Военнаго лазарета.
»	3	2 » дня	Губернской больницы.
»	3	6 » веч.	Іоанно-Богословскую церковь.
Вторникъ	5	5 » »	Дмитріевскую церковь.
Четвергъ	7	5 » »	Николаевскую (на нов. мѣстахъ)
Суббота	9	5 » »	Михаило-Архангельскую церк.
Вторникъ	12	10 » утра	Церковь бл. учреж. Ивановыхъ
»	12	5 » веч.	Неплюевскаго кадетскаго корп.
Среда	13	8 » утра	Рыночная площадь.
»	13	10 » утра	Церковь женской гимназіи.
»	13	6 » веч.	Церковь реальнаго училища
Четвергъ	14	8 » утра	Церковь мужской гимназіи.
»	14	1 » дня	Тюремную церковь.
»	14	5 » веч.	Церковь Духовнаго училища.
Пятница	15	9 » утра	Церковь 2-го кадетскаго корп.
»	15	5 » веч.	Преображенскую церковь
Суббота	16	9 » утра	Церковь Духовной Семинаріи.
»	16	6 » веч	Церковь Епархіальн. жен. уч.
Воскресеніе	17	8 » утра	Церковь Юнкерскаго училища.
»	17	2 » дня	Церковь Ольгинскаго пріюта.
»	17	6 » веч.	Каѳедральный соборъ.

Примѣчаніе 1-е. Благочинническое Собраніе духовенства обязываетъ о.о. настоятелей церквей въ назначенные сроки обязательно отдавать Св. Икону слѣдующему по расписанію причту.

Примѣчаніе 2-е. Неуспѣвшіе почему либо принять въ свои дома Св. Икону изъ приходскихъ церквей благоволятъ обращаться съ просьбами о принятіи оной къ причту Каѳедральнаго Собора во всякое время ея пребыванія въ Соборѣ. Выносъ Св. Иконы въ Богодуховскій мужской монастырь съ крестнымъ ходомъ имѣетъ послѣдовать 22-го октября по окончаніи Божественной литургіи въ Каѳедральномъ Соборѣ.

(„Оренбургская Газета“ за 1910 годъ).

№ 14-й.

Считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь полный текстъ главнѣйшихъ церковныхъ пѣснопѣній Табынской иконѣ Божіей Матери. Вотъ онѣ:

Тропарь Табынской иконѣ Божіей матери, гласъ 4-й.

«Заступнице Усердная, Мати Господа Вышняго, за всѣхъ молиши Сына Твоего, Христа Бога нашего, и всѣмъ твориши спастися въ Державный Твой покровъ прибѣгающимъ; всѣхъ насъ заступи, о Госпоже Царицѣ и Владычице, иже въ напастехъ и въ скорбехъ и въ болѣзнехъ, обремененныхъ грѣхи многими, предстоящихъ и молящихся Тебѣ умиленною душею и сокрушеннымъ сердцемъ предъ пречистымъ Твоимъ образомъ со слезами, и невозвратно надежду имущихъ на Тя избавленія всѣхъ золъ, всѣмъ полезная даруй и вся спаси, Богородице Дѣво, Ты бо еси Божественный покровъ рабомъ твоимъ».

Нелишне замѣтить здѣсь, что въ изданіи типо-хромолитографіи Д. Плещеева «Изображеніе Божіей Матери Табынской» (Одесса 1906 г.) на оборотѣ изображенія помѣщенъ тропарь: «Къ Богородицѣ прилѣжно нынѣ притецемъ». Это невѣрно. Табынская икона есть копія Казанской, а Казанской иконѣ существуетъ особый тропарь «Заступнице усердная», который и поется какъ во время крестнаго хода, такъ и при служеніи молебновъ Табынской иконѣ Божіей Матери.

Кондакъ, гласъ 8-й.

«Притецемъ, людіе, къ тихому сему и доброму пристанищу, скорой Помощницѣ, готовому и теплому спасенію, покрову Дѣвы; ускоримъ на молитву, и потщимся на покаяніе; источаетъ бо намъ неоскудныя милости Пречистая Богородица, предваряетъ на помощь и избавляетъ отъ всякихъ бѣдъ и золъ благонравныя и богобоящіяся рабы Своя».

Величаніе Пресв. Богородицѣ.

«Достойно есть величати тя, Богородице, Честнѣйшую Херувимъ и Славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ».

№ 15-й.

Чтобы ознакомить нашихъ читателей. хотя отчасти, съ порядкомъ слѣдованія Табынской иконы Божіей Матери, изъ села Табынска въ г. Оренбургъ въ настоящее время, мы приведемъ здѣсь копію маршрута, по которому эта св. икона, посѣтивъ г. г. Верхнеуральскъ, Троицкъ и Орскъ, прибыла въ г. Оренбургъ въ 1910 году. Этотъ маршрутъ таковъ:

«Маршрутъ на слѣдованіе Табынской чудотворной иконы Богоматери чрезъ г. г. Верхнеуральскъ, Троицкъ и Орскъ въ г. Оренбургъ въ 1910 г.

Вносъ иконы.	Выносъ иконы.	Наименованіе селеній.	Примѣчанія.
Іюнь			
—	20	Село Табынскъ.	
20	22	Заводъ Богоявленскій.	
22	23	Деревня Зигановка.	
		Оренбургской епархіи, Верхнеуральскій уѣздъ.	
24	27	Заводы: Авзяно-Петровскій верхній.	
27	28	» Авзяно-Петровскій нижній.	
28	30	» Кагинскій.	
Іюль			
30	2	» Узянскій.	
2	6	» Бѣлорѣцкій.	

Іюль			
7	9	Г. Верхнеуральскъ. Николаевскій соб.	Св. икона въ общину вносится 12 въ 6 ч. утра, изъ общины въ 2 ч. дня.
9	12	» Благовѣщенская ц. и женская община.	
12	14	» Богоявленская ц.	
14	15	» Георгіевская ц.	
15	16	» Соборъ.	Изъ города—въ 10 ч. утра, изъ Урлядинскаго св. икона выносится въ 5 ч. утра.
16	17	Поселки: Урлядинскій.	
17	18	» Краснинскій.	
18	19	» Арсинскій.	
19	20	» Углицкій.	
20	21	» Стрѣлѣц. и Чернорѣч.	
21	22	» Подгорный и Осиповскій.	
22	23	» Санарскій 2-й.	
23	26	Города Троицка соборъ	
26	28	» Михаило-Архангельск ц.	Въ монастырь, кладбищенскую и гимназическую церкви вносится св. икона по усмотрѣнію о. протоіерея собора.
28	60	» Александро Невская ц	
Августъ			
30	1	» Соборъ.	Выносъ изъ города въ 10 ч. утра, изъ Берлинскаго выносится въ 5 ч. утра.
1	2	Поселки: Берлинскій.	
		» Тарутинскій.	
3	4	» Бородинскій.	
4	6	» Толстой и станица. Великопетровская.	
6	7	» Варшавскій.	
7	8	» Могутовъ.	
8	9	» Новинскій.	
9	10	» Амурскій.	
10	11	» Кульмскій.	
11	12	» Бріенскій.	
12	13	» Севастопольскій.	
14	15	Станица Таналыкская.	
15	16	Поселки: Тереклинскій и Кастацкій.	
16	17	» Банный.	

Августъ			
17	20	Города Орска Преображенскій соборъ.	Въ Мих.-Арханг. цер. икона вносится 23 въ 5 ч. вечера, а въ женскій мон. 25 въ 7 час. утра, изъ женск. монастыря въ соборъ 25 въ 6 ч. веч.
21	23	» Михаило-Арханг. ц.	
23	25	» Женскій монастырь	
25	26	Соборъ и пос. Хабарный.	
26	27	Поселки Губерлинскій и Подгорный.	
27	28	Хуторъ Ново-Уральскій и пос. Донской.	
28	30	Станица Верхнеозерная.	
30	31	» Гирьяльская.	
Сентябрь			
31	1	Поселки: Новочеркасскій.	
1	2	» Красногорскій.	
2	3	» Островной	
3	3	» Вязовскій .	
4	5	Станица Каменноозерная.	
5	7	Поселокъ Нѣжинскій.	
7	—	Гор. Оренбургъ» [1]).	

[1]) «Оренбургскія Епарх. Вѣдомости» за 1910 годъ, № 26.

№ 16-й.

Вотъ, напримѣръ, маршрутъ, по которому Табынская икона Божіей Матери слѣдовала въ предѣлахъ Оренбургской епархіи послѣ своего пребыванія въ гор. Оренбургѣ въ 1908 году:

Маршрутъ на слѣдованіе Табынской чудотворной иконы Богоматери изъ г. Оренбурга на Илецкій городокъ и г. Уральскъ въ 1908 году.

Вносъ иконы.	Выносъ иконы.	Наименованіе селеній.	Примѣчанія.
Октябрь			
—	22	Выносъ изъ г. Оренбурга.	
22	23	Богодуховскій монастырь.	
23	26	Поселокъ Бердскій.	
26	27	Село Покровка.	
27	28	Успенскій мужской монастырь.	
28	30	Село Павловка	
Ноябрь			
30	1	Станица Донецкая.	
1	2	Поселокъ Переволоцкій.	
2	3	» Алексѣевскій.	
3	5	Станица Татищевская.	
5	7	» Городищенская.	
7	10	» Краснохолмская.	
10	13	» Кардаиловская.	
13	15	» Нижнеозерная.	
15	17	» Разсыпная.	
17	18	Поселокъ Мухрановскій.	
18	20	Илецкаго г Николаевская цер	
20	22	» Введенская церк.	
22	23	» Ильинская церковь	
23	24	» Никольская церк. и пос. Студенецкій и Кинделинскій	
24	25	Пос. Бородинскій и Иртецкій.	
25	26	» Ранневъ.	

Ноябрь			
26	27	Пос Кирсановскій.	
27	28	» Январцевскій и Требушинскій.	
28	29	» Рубе́жный.	
29	30	» Дарьинскій.	
Декабрь			
30	1	» Трекинскій.	
1	5	Г. Уральска Александро-Невскій соборъ.	Обычный переносъ св. иконы изъ каждой церкви въ 5 ч. ко всенощному бдѣнію.
5	7	» » Казанская (батал.) церковь.	
7	9	» » Архангельскій соб.	
9	11	» » Петропавловская церковь.	
11	13	» » Казанская церковь.	
13	15	» » Крестовоздвиженская церковь.	
15	17	» » Успенская церковь.	
17	19	» » Предтеченская церк	
19	21	» » Никольская церковь.	Переносъ въ кладб. цер. въ 12 ч. дня, а въ Тюремную въ 8 ч. утра.
21	22	» » Кладбищенская и Тюремная.	Въ Общину въ 4 час. вечера, гимнасію въ 8 ч. утра, въ военную церк. въ 1 ч. дня. Старокладбищенскую церковь въ 5 ч. вечера, въ соборъ въ 1 ч. дня.
22	23	» » Женская Община и гимназія.	
23	24	» » Походная военная церковь.	
24	25	» » Старокладбищенская	
25	26	» » Александро-Невскій соборъ.	
26	27	Поселки: Чувашскій и Теплый	
27	28	» Красный, Каменный и Таловскій.	
28	29	» Новоозерный и Соболевъ.	
30	31	» Назаровскій.	
Январь 1909 г.		Самарской губерніи.	
31	1	Село Сергѣевка.	

«Оренбургскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1908 г., № 41—42.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Отъ автора . . . . . 3.

I. Исторія села Табынскаго и Вознесенской пустыни 5.

II. Описаніе Табынской иконы Божіей Матери и древность ея; первое, второе и третье обрѣтеніе Табынской иконы Божіей Матери и установленіе празднованія въ воспоминаніе ея послѣдняго обрѣтенія . . . . . 23.

III. Холера въ Оренбургѣ въ 1848—1853 годахъ и установленіе ежегоднаго крестнаго хода изъ села Табынскаго въ г. Оренбургъ и въ другія мѣстности Оренбургской епархіи . . 32.

IV. Значеніе крестнаго хода вообще и съ Табынскою иконою Божіей Матери въ особенности . 43.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1-й . . . . . 53.

» 2-й . . . . . 55.

» 3-й . . . . . 57.

» 4-й . . . . . 59.

» 5-й . . . . . 60.

» 6-й . . . . . 61.

» 7-й . . . . . 62.

» 8-й . . . . . 64.

» 9-й . . . . . 65.

» 10-й . . . . . 66.

» 11-й . . . . . 67.

» 12-й . . . . . 68.

13-й . . . . . 72.

» 14-й . . . . . 74.

» 15-й . . . . . 75.

» 16-й . . . . . 78.

УКАЗАТЕЛЬ

литературы о селѣ Табынскомъ и Табынской иконѣ Божіей Матери.

1) «Сказаніе объ иконѣ Табынской Божіей Матери, находящейся въ Вознесенской церкви, Уфимской епархіи, Стерлитамакскаго уѣзда, села Табынска». Москва. 1906 года. Типографія Ф. И. Филатова.

2) «Сказаніе объ иконѣ Казанскія Божія Матери, находящейся въ Вознесенской церкви, Уфимской епархіи, Стерлитамакскаго уѣзда, села Табынска». Уфа. 1909 года, паровая типо-лит. торг. дома «Л. Е. Милюковъ и И. А. Медвѣдевъ».

3) «Топографія Оренбургской губерніи». П. И. Рычковъ. Оренбургъ, 1887 года.

4) «И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 года». В. Н. Витевскій. Казань. 1897 г.

5) «Уфимская епархія». И. Златоверховниковъ. Уфа. 1899 года.

6) «Башкирскій бунтъ въ 1735, 1736 и 1737 годахъ». А. И. Добросмысловъ. («Труды» Оренб. Учен. Архивн. Комиссіи, вып. VIII).

7) «Адресъ-Календарь Уфимской губерніи на 1907 годъ». Уфа. Изд. Уфимскаго Статистич. Комитета.

8) «Справочная книжка Уфимской губерніи на 1883 г.».

9) «Географическій Словарь». Аѳанасій Щекатовъ. т. I. изд. 1801 года.

10) «Пугачевъ и его сообщники». Н. Дубровинъ.

11) «Исторія Россіи». С. М. Соловьевъ. Изд. 2-е. т. XX.

12) «Село Табынскъ». М. В. Лоссіевскій. («Оренбургскій Листокъ» 1877 года, № 7 и 16).

13) «Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ». Н. Чернавскій. («Труды» Оренб. Учен. Архивн. Ком., вып. VII и X).

14) «Исторія Оренбургскаго казачьяго войска по начертаніямъ войсковой печати». С. Н. Севастьяновъ. («Труды» Оренб. Учен. Архивн. Комиссіи, вып. V).

15) «Очерки изъ жизни дикой Башкиріи». Н. В. Ремезовъ. Изд. 2-е. Москва 1889 года.

16) «Списокъ чудотворныхъ иконъ». С. И. Пономаревъ. Изд. редакціи журнала «Русскій Паломникъ». С.-Петербургъ. 1889 года.

17) «Богоматерь». Полное иллюстрированное описаніе Ея земной жизни и посвященныхъ Ея имени чудотворныхъ иконъ. Подъ редакціей Е. Поселянина. С.-Петербургъ. Книгоиздательство П. П. Сойкина. 1908 года.

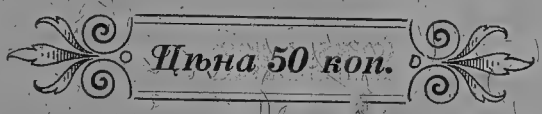
18) «Обмиранье». В. И. Даль. («Полное собр сочин. В. И. Даля». Изд. товарищества М. О. Вольфъ. 1898 года. Т. VIII).

19) «Записки генералъ-майора Ивана Васильевича Чернова» («Труды» Оренб. Учен. Архивн. Комиссіи, вып. XVIII).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдовало напечатать.
3	8 сверху	чевствованія	чествованія
—	2 снизу	села,	села
—	—	Табынскаго	Табынскаго,
5	7 —	жилища,	жилищъ,
6	12 сверху	ничто—иное	ничто иное,
—	21 —	монастырь	монастырь,
9	4 —	только	только,
—	17 —	въ этомъ	въ этомъ,
—	— —	центра	центра,
—	22 —	башкиръ	башкиръ,
10	16 —	бугоръ	„бугоръ
11	3 —	ла	ла,
13	16 —	рукакъ	рукахъ
—	13 снизу	«балахтинскій	«балахнинскій
22	8 сверху	занимались	занялись
—	21 —	жаловаться	жалованья
—	15 снизу	стр. 20.	стр. 201.
25	7 —	Троипкое	Троицкое
41	2 сверху	Уральска [1])	Уральска,[1])—
42	22 —	видѣтъ	видѣть
—	— —	встрѣчи	встрѣчи,
44	2 —	вносимъ	износимъ
47	2 снизу	имѣется	имѣются
48	5 —	4 года	годы
61	4 —	Златоверхони-	Златоверховни-
62	17 сверху	въ Арховѣ	въ Архивѣ
63	1 снизу	края	края»,
67	5 —	Ср	Сравни
69	1 сверху	Содальскій	Содальскій»
—	11 —	лекарствами	лѣкарствами
—	3 снизу	«Труды	(«Труды
70	3 сверху	уложенные	уложенныя
—	14 —	кладбище.	кладбище».
—	19 —	явилися	явилась
—	— —	началась	начала
73	2 снизу	Соборѣ	Соборѣ»[1]).
—	1 —	(«Оренбургская	[1]) «Оренбургская
76	13 сверху	Стрѣлѣц.	Стрѣлец.
78	6 —	Маршрутъ	«Маршрутъ
79	2 снизу	Сергѣевка	Сергѣевка»[1]).
—	1 —	«Оренбургскія	[1]) «Оренбургскія


Ціна 50 коп.